

ПРИЛОЖЕНИЕ

M. TULLII CICERONIS
PRO L. FLACCO ORATIO

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
РЕЧЬ В ЗАЩИТУ Л. ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

Перевод с латинского и комментарии В. О. Горенштейна

В 59 г., в первый консулат Г. Юлия Цезаря, у власти стояли объединившиеся в политический союз Цезарь, Помпей и Красс (так называемый первый триумvirат). Цицерон, уклонившийся от этого союза, отошел от государственной деятельности и ограничился выступлениями в суде, носившими и политический характер. Так, он дважды защищал А. Минуция Ферма, сторонника оптиматов, и добился его оправдания. Он защищал своего коллегу по консулату Г. Антония Гибриду, который в 63—62 гг. руководил военными действиями против Катилины и по окончании проконсулата в Македонии был привлечен к суду.

Л. Валерий Флакк принадлежал к патрицианскому роду Валериев, из которого, по преданию, вышел П. Валерий Попликола (согласно традиции — первый консул Рима после изгнания царей). Его отец, Л. Флакк, был консулом в 86 г. и отправился на Восток, на войну против Митридата VI Евпатора и для борьбы с Суллой; в начале 85 г. он после неудачной попытки возмутить войска Суллы был убит своими солдатами.

Обвиняемый в деле 59 г. Л. Валерий Флакк в 86 г. участвовал в походе в Азию под началом отца, в 83 г. — в походе в Галлию под началом дяди, Г. Валерия Флакка; в 78 г. был военным трибуном у проконсула П. Сервилия Ватии, успешно действовавшего против пиратов в Киликии; затем в Испании он был квестором пропретора

М. Пупия Писона Кальпурниана, а в 68—67 гг.— легатом Кв. Цецилия Метелла во время войны на Крите, после которой Крит стал римской провинцией. В 63 г. претор Л. Флакк участвовал в раскрытии заговора Катилины, арестовав на Мульвиевом мосту послов аллоброгов и захватив имевшиеся у них письма, содержавшие улики против заговорщиков.

В 62 г. Л. Флакк был пропретором провинции Азии; в 61 г. его сменил Кв. Цицерон. В начале 59 г. Флакк был обвинен в разграблении провинции и привлечен к суду, скорее всего на основании Сервилиева закона о вымогательстве, проведенного в 104 г. плебейским трибуном Г. Сервилием Главдией. Обвинителем Л. Флакка был Д. Лелий, субскрипторами (вторыми обвинителями) — Г. Апулей Дециан и некий Цетра (имя искажено). Лелий расследовал обстоятельства дела на месте, для чего выезжал в Азию; он привез оттуда свидетелей против Флакка. Председателем суда был Т. Веттий (Вектий). Начатый по обвинению в вымогательстве процесс против Л. Флакка, участника подавления движения Катилины, при цезарианцах в качестве обвинителей превращался в политический процесс, направленный против Цицерона, консула 63 г., и против оптиматов.

Цицерон защищал Флакка вместе с выдающимся оратором Кв. Гортенсием Горталом, который говорил первым. Речь Цицерона дошла до нас неполностью; возможно, что она была им сокращена впоследствии и составлена из отдельных выступлений оратора при втором слушании дела: 1) из речи, произнесенной перед вторым допросом свидетелей (§ 1—27); 2) из ряда кратких выступлений, прений с обвинителем (альтеркация) при допросе каждой группы свидетелей (§ 28—69); 3) из ответа Цицерона Дециану (§ 70 сл.). Возможно также, что опубликованная Цицероном речь представляет собой действительно произнесенную речь, прерывающуюся допросом свидетелей и чтением документов.

Суд оправдал Л. Флакка.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЛУЦИЯ ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

I. Когда я, среди величайших испытаний для нашего Города и державы, при необычайно тяжелом положении государства¹, имея в лице Луция Флакка союзника и помощника, разделявшего со мною решения и опасности, спасал от резни вас и ваших жен и детей, спасал от разорения храмы, святилища, Город, Италию, то я надеялся, судьи, способствовать возвеличению Луция Флакка, а не ходайтствовать о его забывлении от несчастий. И право, в какой из почетных наград римский народ, всегда предоставлявший их предкам Луция Флакка, отказал бы ему самому, после того как он заслугами своими перед государством почти через пять столетий обновил древнюю славу Валериева рода, некогда заслуженную им при освобождении отечества². (2) И если бы вдруг нашелся человек, который стал бы либо умалять его заслуги, либо враждебно относиться к его доблести, либо завидовать его славе, то для Луция Флакка, по моему мнению, было бы лучше подвергнуться суду несведущей толпы,— впрочем, без всякой опасности для себя,— чем суду мудрейших и избранных мужей³. И право, я никогда не думал, что кто-нибудь станет создавать опасности и злоумышлять против высокого положения Луция Флакка при посредстве тех самых людей, которые тогда положили основания и защитили благополучие не одних только своих сограждан, но и других народов⁴. И даже если бы

¹ Имеется в виду заговор Катилины. Ср. Цицерон, К близким, V, 2, 8 (14); *Саллюстий*, «Катилина», 42.

² По преданию, в 509 г., после изгнания царей, первыми консулами были Луций Юний Брут и Тарквиний Коллатин; в том же году последнего сменил Публий Валерий Попликола (Публикола), предок обвиняемого (см. ниже XI, 25).

³ Возможно, имеется в виду голосование в консульских комициях. Оратор противопоставляет его решению суда в составе 25 сенаторов, 25 римских всадников и 25 эрарных трибунов.

⁴ Цицерон вначале приписывал заслугу подавления заговора Катилины лично себе; впоследствии, когда положение изменилось не в его пользу, он стал говорить, что действовал, следуя воле сената (ср.: В защиту Суллы, 21; О доме, 50; 94; В защиту Сестия, I; 144; Против Писона, 7; Филиппика II, 11).

кто-нибудь замыслил когда-либо погубить Луция Флакка, я все же никогда не подумал бы, судьи, что Децим Лелий, сын честнейшего мужа, сам надеющийся достигнуть высшего почета, возьмет на себя подобное обвинение, какого скорее можно было бы ожидать от ненависти и бешенства преступных граждан, а не от его доблести и образования, полученного им в юности. И право, часто видя, что прославленные мужи отказывались от вполне оправданной вражды к гражданам с заслугами, я никогда не думал, что какой-либо друг нашего государства, после того как преданность Луция Флакка отечеству стала очевидной, неожиданно проявит к нему вражду, отнюдь не будучи им оскорблен. (3) Но так как мы во многом ошиблись, судьи,— и в своих личных делах, и в государственных,— то мы и терпим то, что должны терпеть. Я прошу вас об одном: помнить, что все устои государства, весь государственный строй, вся память о прошлом, наше благополучие в настоящем, надежды на будущее — все это в вашей власти и всецело зависит от вашего голосования, от одного этого приговора. Если государство когда-либо умоляло судей проявить проницаемость, строгость, мудрость и осмотрительность, то оно особенно горячо умоляет вас об этом в настоящее, да, в настоящее время.

II. Вам предстоит вынести приговор не о государстве лидийцев или мисийцев, или фригийцев, которые пришли сюда по наущению или по принуждению, но о своем собственном государстве, о положении граждан, о всеобщем благополучии, о надеждах всех честных людей,— если только осталась какая-то надежда, которая даже теперь смогла бы укрепить в стойких гражданах их образ мыслей и их убеждения; все другие прибежища для честных людей, оплот для невиновных, устои государства, мудрые решения, средства помощи, права — все это уничтожено. (4) Кого же призывать мне, кого заклинать, кого умолять? Сенат ли? Но он сам просит вас о помощи и понимает, что укрепление его авторитета поручено вашей власти. Или римских всадников? Но ведь вы, пятьдесят человек, первые в этом сословии, вынесете такой приговор, который выразит мнение всех остальных. Или римский народ? Но именно он передал в ваши руки власть над честными людьми. Поэтому, если мы на этом месте, если мы перед вашим лицом, если мы при вашем посредстве, судьи, не сохраним не авторитета своего, уже утраченного нами, но самогo своего существования, висящего на волосок, то у нас уже не останется прибежища. Или вы, судьи, быть может, не видите, к чему клонится этот суд, о чем идет дело, для какого обвинения выкладываются основания? (5) Осужден тот, кто уничтожил Катилину, дошедшего войной на отечество⁵. Как же не бояться тому, кто изгнал Катилину из Города?⁶ Влекут, чтобы покарать того, кто добыл улики посягательства на ваше существование. Как же быть спокойным за себя тому, кто постарался их найти и раскрыть? Преследованию подвергаются участники принятых решений, их помощники и слутники. Чего не ожидать для себя зачинателям, начальникам, руководителям? О, если бы недруги мои и всех честных людей вместе со мною... (*лакуна*), то неизвестно, кем были бы тогда все честные люди: предводителями ли или же соратниками моими в деле сохранения всеобщего благополучия...

(Фрагменты, сохраненные схоластиком из Боббио)

(1) Он предпочел сказать: удалены.

(2) Чего пожелал для себя мой близкий друг Цетра?

(3) Что же Дециан?

(4) О, если бы слава принадлежала мне! Итак, сенат большинством...

(5) Бессмертные боги! Повторяю, Лентула...

(Миланский фрагмент)

(6) ... посторонним, когда его частная жизнь и его характер известны. Поэтому я не допущу, чтобы ты, Децим Лелий, присваивал себе это право и навязывал этот закон и положение другим людям на будущее, а нам на настоящее время ... (*лакуна*). Когда ты заклеишь юность Луция Флакка, когда ты представишь в позорном виде последующие годы его жизни, когда ты докажешь растрату им своего состояния, его постыдные личные дела, его дурную славу в Городе, его

⁵ Гай Антоний Гибрида, коллега Цицерона по консулату 63 г., разбивший войска Катилины под Писторией в январе 62 г.

⁶ Сам Цицерон (ср. Против Катилины, I).

пороки и гнусные поступки, как нам говорят совершенные им в Испании, Галлии, Калликки, на Крите — в провинциях, где он был у всех на виду, — только тогда станем мы слушать, что думают о нем жители Тмола и Лоримы⁷. Но Луция Флакка, которому желают оправдания столь многочисленные и столь важные провинции, которого очень многие граждане из разных областей Италии, связанные с ним давней дружбой, защищают, которого наше общее отечество держит в объятиях, памятуя о его недавней великой услуге, я (даже если вся Азия потребует его выдачи для казни) буду защищать и дам отпор. Что же? Если Азия — не вся, не наилучшая, не безупречная ее часть и притом не добровольно, не по праву, не по обычаю, не искренно, а под давлением, по наущению, по внушению, по принуждению, бессовестно, опрометчиво, из алчности, по нестойкости — обратилась в этот суд при посредстве жалких свидетелей, причем сама она никакой справедливой жалобы на беззакония заявить не может, — то все же, судьи, уничтожат ли эти свидетельские показания, относящиеся к короткому времени, доверие к обстоятельству, признанным всеми и относящимся к продолжительному времени? Итак, я как защитник буду держаться следующего порядка боевых действий, обращающих врага в бегство: я буду теснить и преследовать обвинителя и, кроме того, потребую, чтобы противник обвинял открыто. Ну, что, Лелий? Разве что-нибудь... (*лакуна*). Проводил ли он время в тени деревьев и в занятиях науками и искусствами, свойственными этому возрасту? Ведь он еще мальчиком отправился на войну вместе с отцом-консулом. Без сомнения, даже ввиду этого кое-что... так как подозрение...

(Фрагменты, сохраненные схолиастом из Боббио)

- (1) Но если ни распущенность Азии ... на самый нестойкий возраст ...
- (2) С этих лет он присоединился к войску своего дяди Гая Флакка.
- (3) Выехав как военный трибун с Публием Сервилием, достойнейшим и неподкупнейшим гражданином....
- (4) Удостоенный самых лестных отзывов с их стороны, он был избран в квесторы.
- (5) При Марке Писоне, который сам заслужил бы прозвище «Фруги», если бы не получил его от предков⁸.
- (6) Он же начал новую войну и завершил ее.
- (7) Выданный не свидетелям из Азии, а лагерным товарищам обвинителя.

(Фрагменты, сохраненные писателями)

- (8) Какова должна быть, по вашему мнению, его преданность римскому народу, какова должна быть его верность?
- (9) ... прирожденная ничтожность и приобретенное чванство.

(Фрагменты, сохраненные Николаем Кузанским)

- (10) Человека храбрейшего и многоопытного обманщика...
- (11) Что, кроме произвола, кроме наглости, кроме бессмыслицы, содержат ваши свидетельские показания, когда свидетельницей в пользу храбрейшего и виднейшего мужа является сама победа?
- (12) ... и немалую доблесть в военном деле, судьи!
- (13) Я защищаю храброго и выдающегося человека, сильного духом, необычайного усердия и величайшего благоразумия.
- (14) ... смолоду участвовавшего во многих различных войнах, прежде всего отличного начальника и человека — если говорить правду — телом и душой, стремлениями и привычками рожденного и призванного к военным делам и к военному искусству.
- (15) Предки наши, судьи, были так убеждены в необходимости оберегать таких людей, что защищали их не только тогда, когда они почему-либо навлекли на себя ненависть, но и тогда, когда они действительно были виноваты. Поэтому они обыкновен-

⁷ Жалобы жителей Тмола и Лоримы ниже не рассматриваются. Возможно, что о них уже высказался Кв. Гортенсий.

⁸ Первым Кальпурнием Писоном, получившим прозвище «Ф уги» (честный), был Луций Кальпурний Писон, плебейский трибун 149 г.

но не только награждали таких людей за их успешные действия, но и оказывали им снисхождение после их проступков.

- (16) Встаньте, прошу вас, честнейшие люди и храбрейшие посланцы весьма уважаемой и прославленной гражданской общины, отразите — во имя бессмертных богов! — клятвопреступления и оскорбления со стороны тех, чьи копья вы так часто отражали.
- (17) Человек, отмеченный всеми украшениями доблести и славы, который, мне кажется, как образец древней строгости нравов и как напоминание о старине сохраняется в нашем государстве по воле богов.

* * *

III. (6) Итак, с какими же доводами ты, Лелий, нападаешь на этого мужа? Он был под началом императора Публия Сервилия⁹ в Киликии военным трибуном; об этом умалчивают. Он был у Марка Писона квестором в Испании; о его квестуре не сказано ни слова. В войне на Крите он принимал деятельное участие и вынес на своих плечах ее бремя вместе с выдающимся императором¹⁰; но и насчет этого обвинение немо. Его судебной деятельности как претора, разнообразной по содержанию и дающей много поводов для подозрений и неприязни, не касаются, а ведь его претурю, совпавшую с опаснейшими для государства событиями¹¹, восхваляют даже его недруги. «А вот свидетели, — говорите вы, — ее порицают». Прежде чем говорить о том, какие это свидетели, какие надежды, чье влияние, какие побуждения привели их сюда, сколь они ничтожны, сколь они бедны, сколь они вероломны, сколь они наглы, я выскажусь о них вообще и о положении, в каком все мы находимся. Во имя бессмертных богов! И вы, судьи, о том, как человек, год назад творивший суд в Риме, годом позднее творил его в Азии, станете расспрашивать неизвестных вам свидетелей, а сами путем сопоставлений ничего не будете решать? При таком разнообразии судебных дел выносятся так много решений, бывает так много обиженных влиятельных людей. Было ли когда-нибудь высказано против Флакка, уже не говорю — подозрение (оно обыкновенно все же бывает ложным), нет, хотя бы единое слово гнева или боли? (7) И в алчности обвиняется тот, кто, занимая доходнейшую должность, отказался от позорного стяжания, а в злоречивейшей гражданской общине, при занятии, очень легко навлекающем подозрения, избежал всякого злоречия, уже не говорю — обвинений? Обхожу молчанием то, чего не следует обходить: невозможно указать хотя бы одно проявление алчности в частной жизни Луция Флакка, хотя бы один спор из-за денег, хотя бы один низкий поступок в делах имущественных. На основании чьих же свидетельских показаний, если не на основании ваших, смогу я опровергнуть заявления этих людей? (8) И этот деревенский житель из Гмола, человек, неизвестный, уже не говорю, — у нас, но даже и у своих земляков, станет вам указывать, каков Луций Флакк, в котором вы оценили скромнейшего юношу, важнейшие провинции — неподкупного мужа, ваши войска — храбрейшего солдата, заботливейшего начальника, бескорыстнейшего легата и квестора, каков Луций Флакк, которого вы, здесь присутствующие, признали непоколебимейшим сенатором, справедливейшим претором и преданнейшим государству гражданином?

IV. (9) Неужели насчет того, о чем вы сами должны быть свидетелями перед другими людьми, вы станете слушать других свидетелей? И каких! Прежде всего я скажу (и это относится к ним всем), что это — греки; говорю это не потому, чтобы я более чем кто-либо другой отказывал этому народу в доверии; ведь если кто-нибудь из ваших соотечественников, по своим стремлениям и склонностям, не чуждался этих людей, то

⁹ Император — во времена Республики почетное высшее военное звание. Титулом императора солдаты приветствовали полководца после решительной победы; он давал право на триумф. Публий Сервилий Ватия в 78 г. был проконсулом Киликии и боролся с пиратами; после триумфа получил прозвище «Исаврийский».

¹⁰ Консул 69 г. Кв. Цецилий Метелл завоевал Крит в войне 68—66 гг. и получил прозвище «Критский».

¹¹ Имеется в виду заговор Катилины.

это, полагаю, был именно я. И я был таким именно тогда, когда у меня было больше досуга. Итак, среди греков есть много честных, ученых, добросовестных людей, которых на этот суд не вызывали, но есть и много бессовестных, необразованных, ничтожных, которые привлечены сюда, как я вижу, из разных соображений. Так вот, о греках вообще я скажу следующее: я отдаю им должное в области литературы, признаю их познания во многих науках, не отказываю им в приятности речи, в остроте ума, в цветистости языка; наконец, если они приписывают себе что-нибудь еще, не возражаю и против этого; но добросовестностью и честностью в свидетельских показаниях народ этот не отличался никогда, и они не знают, какова сила, каково влияние, каково значение всех этих качеств. (10) Откуда известно выражение: «Обменяемся свидетельскими показаниями»? Разве его приписывают галлам или испанцам? Оно всецело относится к грекам, так что даже люди, не знающие греческого языка, знают, как это говорится по-гречески. Так взгляните же, с каким выражением лица, с какой самоуверенностью они говорят; вы тогда поймете, насколько добросовестны они как свидетели. Нам они никогда не отвечают на вопрос, обвинителю же — всегда больше, чем он спросил; они никогда не беспокоятся о том, как им доказать то, что они говорят, но всегда — о том, что им говорить, чтобы вывернуться из затруднительного положения. Марк Луркон¹² давал показания, будучи сердит на Флакка, так как, по его собственному признанию, его вольноотпущенник был осужден порочащим его приговором. Но Луркон не сказал ничего такого, что могло бы повредить Флакку, хотя и желал этого; ему помешала его совесть. С каким смущением, однако, давал он показания, как он дрожал, как бледнел! (11) Какой вспыльчивый человек Публий Септимий, как сердит был он на приговор своему управителю! И он все же колебался, и сознание долга все-таки порою боролось с его гневом. Марк Целий, бывший недругом Флакка за то, что он признал недопустимым для себя как откупщика выносить приговор откупщику во вполне ясном деле, был исключен Флакком из числа рекуператоров¹³; он все же сдержался и — если не говорить о его желании — не представил суду ничего такого, что могло бы повредить Флакку.

V. Если бы это были греки и если бы наши правила и воспитание не были сильнее, чем чувство досады и неприязни, то все они сказали бы, что были ограблены, истерзаны, лишены своего имущества. Свидетель-грек выходит вперед с желанием повредить и обдумывает не слова клятвы, а слова, какими он может повредить; по его мнению, самое позорное — проигрывать дело, когда тебя опровергают и изобличают; против этого он и готовится, ничто другое его не заботит. Поэтому свидетелями выбирают не честнейших и вполне достойных доверия, а самых бессовестных и самых речистых. (12) Вы же в суде по самому незначительному делу оцениваете свидетеля внимательно. Даже зная человека в лицо, его род, его трибу, вы все-таки находите нужным выяснить, каковы его нравственные правила. А когда наш гражданин дает свидетельские показания, то как сдержан он, как взвешивает все выражения, как боится сказать что-нибудь с пристрастием или гневом, сказать о чем-либо больше или меньше, чем необходимо! Неужели вы думаете, таковы же люди, в чьих глазах клятва — шутка, свидетельские показания — игра, всеобщее уважение — пустые слова, а заслуги, награда, милость, благодарность всецело зависят от бессовестной лжи? Но не стану затягивать свою речь; ведь она может быть бесконечной, если я захочу рассказать о легкости, с какой весь этот народ дает свидетельские показания. Итак, ближе к делу; я буду говорить об этих вот ваших свидетелях.

(13) Мы столкнулись с упорным обвинителем, судья, с недругом, во всем вызывающим ненависть к себе и неприятным; этим своим рвением он, надеюсь, принесет большую пользу и своим друзьям, и государству; но это дело и обвинение он, несомненно, на себя взял, движимый необычным пристрастием. Какая свита сопровождала его при расследовании! Я говорю «свита»; вернее, какое огромное войско! Какие расходы, какие затраты, какая расточительность! Хотя это и полезно для нашего дела, я все же говорю об этом робко, опасаясь, как бы Лелий не решил, что в том, что он взял на себя ради

¹² О свидетелях-римлянах; см. ниже 88 сл., 100.

¹³ Рекуператоры первоначально разрешали споры между римлянами и чужеземцами, в частности как провинциальные судьи; впоследствии их компетенция распространилась и на споры между римлянами в частных делах. Их коллегия состояла сначала из трех, затем из пяти и одиннадцати человек.

славы, я в своей речи искал основания для недоброжелательства к нему. VI. Поэтому оставляю все это в стороне; я только попрошу вас, судьи,— если до вас дошли молва и толки о насильственных, самочинных действиях, о применении оружия, о войсках, то вспомните это; ввиду негодования, вызванного всем тем, что я перечислил, этот недавно принятый закон установил определенное число спутников при расследовании. (14) Но — не буду касаться этих насильственных действий — как много совершенно поступков, порицать которые мы не можем, так как они совершены по праву обвинителя и в соответствии с обычаем, по сетовать на них мы все-таки вынуждены! Во-первых, во всей Азии распространились толки о том, что Гней Помпей, злейший недруг Луция Флакка, потребовал, чтобы Лелий, друг его отца и очень близкий ему человек, привлек Луция Флакка к этому суду, и обещал помочь Лелию для выполнения этой задачи всем своим авторитетом, влиянием, богатствами и средствами. Грекам это казалось тем более правдоподобным, что они недавно видели в этой же провинции, что Лелий был в дружеских отношениях с Флакком. Авторитет же Помпея, среди всех столь великий, сколь велик он и должен быть, исключителен в этой провинции, которую он недавно избавил от морских разбойников и от войны с царями¹⁴. К тому же тех, кто не хотел выезжать из дома, Лелий запугивал вызовом в качестве свидетелей; тех, кто не мог оставаться дома, он склонял к поездке большими и щедро предоставляемыми деньгами на дорогу. (15) Так этот сообразительный юноша воздействовал на богатых страхом, на неимущих — платой, на глупых — обманом; так были добыты эти великолепные решения, которые здесь читаются, объявленные не после обмена мнениями и не на основании подлинных данных, не скрепленные клятвой, а принятые поднятием рук, при криках возбужденной толпы.

VII. О, сколь прекрасны обычай и порядок, унаследованные нами от предков! Конечно, если бы их придерживались! Но они каким-то образом уже ускользают у нас из рук. Ведь наши предки, мудрейшие и неподкупнейшие мужи, повелели, чтобы народная сходка была лишена власти. Они повелели, чтобы те постановления, которые плебс должен был вынести или народ — принять, выносились или отвергались после роспуска сходки, после определения участков для голосования, после распределения сословий: разрядов и возрастов, по трибам и центуриям, после выступлений авторов закона, после промугляции¹⁵ в течение многих дней ознакомления с вопросом. (16) Но в Греции гражданские общины управляются безрассудной толпой, сидящей на сходках. Итак,— не говорю о нынешней Греции, которая уже давно сражена и разорена своими же решениями,— даже древняя Греция, некогда процветавшая благодаря своим богатствам, владычеству и славе, пала из-за одного вот какого зла: неумеренной свободы и своеволия народных сходок. Всякий раз, когда в театре рассаживались неискушенные люди, необразованные и невежественные, они начинали бесполезные войны, ставили во главе государства мятежных людей, изгоняли из него граждан с величайшими заслугами. (17) И если это не раз случалось в Афинах тогда, когда они славились не только в Греции, но и чуть ли не среди всех народов, то какой сдержанности, по вашему мнению, можно ожидать от народных сходок во Фригии или в Мисии? Люди, принадлежащие к другим народностям, часто вносят беспорядок даже в наши сходки. Что же, по-вашему, бывает, когда они остаются одни? Некий Афинагор из Ким был высечен розгами за то, что осмелился вывезти зерно во времена голода; по требованию Лелия была создана народная сходка; Афинагор выступил и — грек перед лицом греков — не говорил о своей вине, а пожаловался на наказание. Они подняли руки — вот вам и решение. И это — свидетельские показания? Только что пообедав, незадолго до того насытившись всяческими подачками, пергамские сапожники и мастера по изготовлению поясов одобрили своим криком все, что было угодно Митридату¹⁶, державшему в своих руках эту толпу не своим авторитетом, а щедрой кормежкой. И это свидетельские показания гражданской общины? Я сам официально приво-

¹⁴ Имеются в виду военные действия Помпея против средиземноморских пиратов (67 г.) и против понтийского царя Митридата VI Евпатора.

¹⁵ Промугляция — ознакомление римских граждан с законопроектом, для чего записи его текста выставлялись на форуме. Выше описывается порядок голосования в комициях.

¹⁶ Митридат Пергамский считался побочным сыном Митридата VI Евпатора. Впоследствии Цезарь назначил его тетрархом Галатии (см. ниже, 41).

зид свидетелей из Сицилии, но это были свидетельские показания не возбужденной толпы, а сената ¹⁷, давшего клятву. (18) Поэтому я не стану спорить с отдельными свидетелями; вам самим следует решить, возможно ли признать их слова свидетельскими показаниями.

VIII. Блестящий молодой человек знатного происхождения, речистый, приезжает с многочисленной и весьма нарядной свитой в греческий город и требует созыва народной сходки; людей богатых и влиятельных, дабы они против него не выступали, он запугивает вызовом в Рим для свидетельских показаний; неимущих и незначительных прельщает видами на поездку и денежным пособием на дорогу, а также своей личной щедростью. Что касается ремесленников и лавочников и всех этих подонков гражданских общин, то трудно ли натравить их, а особенно на того человека, который еще недавно был облечен высшим империем ¹⁸, но не смог списать высшего расположения именно из-за своего звания магистрата с империем. (19) Конечно, заслуживает удивления то, что те люди, которым ненавистны наши секиры ¹⁹, люди, у которых наше имя вызывает ожесточение, для которых пастбищный сбор, десятина, пошлины равносильны смерти, охотно хватаются за любую возможность нам повредить, какая им только представится! Итак, когда вы будете слушать предлагаемые решения, вспомните, что вы слышите не свидетельские показания, а голос безрассудства черни, что вы слышите голос ничтожнейших людей, слышите возбужденные выкрики, доносящиеся со сходки ничтожного народа. Поэтому тщательно изучите сущность и смысл обвинений; вы не найдете ничего, кроме одной только видимости, ничего, кроме запугивания и угроз.

IX. (20) Казна гражданских общин пуста, поступлений от сборов — никаких. Есть два способа добыть деньги: либо заем, либо подати. Книг заимодавца не предьявлено, о введении каких-либо податей не сообщают. Но с какой легкостью греки склонны составлять подложные отчеты и вносить в свои книги все, что им выгодно, ознакомьтесь, прошу вас, из письма Гнея Помпея к Гипсею ²⁰ и из письма Гипсея к Помпею. (Письма Помпея и Гипсея.) Не находите ли вы, что я на основании этих писем достаточно ясно доказал вам привычную разнузданность и бесстыдное своеволие греков? Или мы, быть может, поверим, что те, кто обманывал Гнея Помпея, и притом в его присутствии, обманывал его без внушения с чьей-либо стороны, оказались, по настояниям Лелия, боязливими и добросовестными по отношению к Луцию Флакку в его отсутствие? (21) Но допустим даже, что на местах записи не были подделаны; могут ли они теперь внушать к себе уважение и доверие? Ведь закон требует, чтобы их передавали претору в трехдневный срок и чтобы судьи печатали их; их передают чуть ли не на тридцатый день. Ведь именно для того, чтобы было трудно подделать записи, закон и повелел передавать их печатанными в общественное место; но их печатают уже подделанными. Какая же разница, будут ли записи переданы судьям с таким опозданием или совсем не будут переданы?

X. Далее, если пристрастные свидетели действуют заодно с обвинителем, то будут ли они все-таки считаться свидетелями? Где в таком случае чувство ожидания, обычное в суде? Ведь ранее, после того как обвинитель высказывался резко и неприемлемо, а защитник отвечал ему просительно и униженно, в третью очередь ожидалось выступление свидетелей, которые говорили либо без всякого пристрастия, либо скрывали свое пристрастие. (22) Но что происходит здесь? Сидят они все вместе, поднимаются со скамей обвинителей, ничего не скрывают, ничего не опасаются. Но разве мне не нравится только то, что они сидят бок о бок? Из одного и того же дома вы-

¹⁷ Местное собрание старейшин.

¹⁸ Империй — во времена Республики полнота власти высших магистратов (консул, проконсул, претор, пропретор), ограниченная коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах города Рима — также и интерцессией коллеги и плебейских трибунов. Империй слагался из права авспиций (птицагаданий), набора и командования войском, созыва комиций, принуждения и наказания. Магистрату, уже облеченному гражданской властью (*potestas*), империй предоставлялся особым куриатским законом (*lex curiata de imperio*). Лицо, облеченное империем, не было вправе входить в пределы померия (сакральная городская черта).

¹⁹ Секиры, заключенные в ликторских фасцах, — принадлежность ликторов, телохранителей старших магистратов.

²⁰ Публий Плавций Гипсей был квестором Помпея во время третьей войны с Митридатом VI Евпатором.

ходят они; если они запнутся хотя бы на слове, у них уже не окажется пристанища. Может ли быть свидетелем человек, если обвинитель допрашивает его, не испытывая при этом ни малейшего беспокойства и не боясь, что он ответит что-нибудь нежелательное? Где в таком случае та заслуга оратора, за которую когда-то хвалили как обвинителя, так и защитника: «Он хорошо допросил свидетеля, хитро подошел к нему, поймал на слове, добился, что хотел, опроверг и заставил замолчать?» (23) Зачем тебе, Лелий, спрашивать свидетеля, который, прежде чем ты ему скажешь: «Спрашиваю тебя...», выложит даже больше, чем ты велел ему ранее у себя дома? Зачем допрашивать его мне, защитнику? Ведь обыкновенно либо опровергают утверждение свидетелей, либо порицают их за их образ жизни. Каким рассуждением опровергну я слова человека, который говорит: «Мы дали...» — и ничего более? Итак, надо выступить против него самого, раз в его речи доказательства отсутствуют. Что же выскажу я против неизвестного мне человека? Поэтому мне приходится сетовать и горько жаловаться — что я делаю уже давно — на всю несправедливость обвинения и прежде всего вообще на этих свидетелей. Ведь выступает народ, самый недобросовестный в своих свидетельских показаниях. Ближе к делу: то, что ты называешь решениями, это, утверждаю я, не свидетельские показания, а крики неимущих людей и какой-то бессмысленный бунт жалких греков, собравшихся на сходку. Пойду еще дальше. Того, кто совершил деяние, здесь нет; того, кто, как нам говорят, ушлатил наличными, сюда не вызвали; записей частных лиц нам не предъявляют, официальные записи остались у обвинителя; все зависит от свидетелей, а они живут вместе с нашими недругами, проводят время вместе с нашими противниками, поселились вместе с обвинителями. (24) Словом, что здесь, по-вашему, происходит: расследование и установление истины или же невиновности поражение и гибель? Ведь в этом деле много таких обстоятельств, судьи, что, если ими даже возможно пренебречь, когда это касается данного обвиняемого, все же при существующем положении и как пример на будущее это внушает страх.

XI. Если бы я защищал человека низкого происхождения, отнюдь не блистательного в жизни, которого молва не препоручила бы нам, то я все же стал бы просить граждан за этого гражданина во имя свойственной всем людям человечности и милосердия о том, чтобы вы неизвестным, натравленным на него свидетелям, соседям обвинителя по скамьям, его сотрапезникам, его лагерным товарищам, грекам по их легкомыслию, варварам по их жестокости, не выдавали своего гражданина, молящего вас, и не показывали остальным людям опасного примера для подражания в будущем. (25) Но так как слушается дело Луция Флакка, из чьей ветви рода был тот, кто первым был избран в консулы, кто был первым консулом в нашей гражданской общине ²¹, Флакка, чья доблесть, после изгнания царей, в государстве была утверждена свобода, Флакка, чья ветвь рода сохранилась вплоть до нашего времени при неизменном предоставлении ей почетных должностей и империя и при немеркнущей славе их деяний, и так как Луций Флакк не только не изменял этой исконной и признанной доблести предков, но как претор проникся стремлением защищать свободу отечества, видя, что именно это возвеличивает славу его рода, то могу ли я страшиться того, что дело этого обвиняемого в дальнейшем послужит пагубным примером, раз в этом случае, даже если бы Флакк в чем-либо погрешил, все честные люди сочли бы должным закрыть на это глаза? (26) Впрочем, я не только не требую этого, судьи, но, наоборот, прошу и заклинаю вас рассмотреть все это дело самым тщательным образом, устремив на него глаза, как говорится. В обвинении не будет обнаружено ничего, засвидетельствованного по совести, ничего, основанного на истине, ничего, вызванного скорбью; наоборот, все окажется извращенным по произволу, из чувства раздражения, из пристрастия, связанным с подкупом и клятвопреступлением.

XII. (27) Итак, рассмотрев в целом пристрастия этих свидетелей, я обращусь к отдельным жалобам и обвинениям со стороны греков. Они жалуются на то, что у гражданских общин были истребованы деньги будто бы на постройку флота. Мы это признаем, судьи! Но если это — преступление, то оно либо в том, что требовать этого не

²¹ В действительности после изгнания царей первыми консулами Рима были Луций Юний Брут и Тарквиний Коллатин; последнего, согласно традиции, в первый же год Республики заменил Публий Валерий Публикола (Попликола).

было дозволено, либо в том, что в кораблях не было надобности, либо в том, что за все время претуры Луция Флакка флот не выходил в море. Дабы ты понял, что это было дозволено, ознакомься с постановлением сената, принятым в год моего консулата, — тем более что оно нисколько не расходилось с постановлениями всех предшествующих лет. (Постановление сената.) Итак, наша ближайшая задача — выяснить, был ли нужен флот. Кто же будет решать этот вопрос: греки или какие-нибудь чужеземные народы, или же наши преторы, наши военачальники, наши императоры? Со своей стороны, я полагаю, что, находясь в такой стране и провинции, окруженной морем, изобилующей гаванями, опоясанной островами, следовало выходить в море не только с целью защиты, но и для прославления нашей державы. (28) Ведь правила поведения и величие духа наших предков выражались именно в том, что они, в частном быту и в личных расходах довольствуясь самым малым, вели самую скромную жизнь, но в делах, имевших отношение к империи и достоинству государства, всячески стремились к славе и блеску. Ведь в домашнем быту ищут хвалы за воздержность, а при управлении государством — за достоинство. И если у Луция Флакка был флот даже только для обороны, то кто будет так несправедлив и станет порицать его за это? — «Морских разбойников не было». — А кто может поручиться, что их не будет? — «Ты, — говорит обвинитель, — умаляешь славу Помпея». — Наоборот, это ты создаешь ему новые затруднения. (29) Ведь Помпей уничтожил флоты морских разбойников, их города, порты, пристанища; проявив высшую доблесть и необычайную быстроту, он достиг мира на море. Но он отнюдь не соглашался, да и не мог согласиться на то, что, если где-нибудь покажется какое-либо суденышко морских разбойников, это будет поставлено ему в вину. Поэтому он, находясь в Азии и уже завершив все войны на суше и на море, все же повелел этим же гражданским общинам поставить ему флот. Но если Помпей признал это нужным тогда, когда все могло быть безопасным и умиротворенным благодаря его имени в его присутствии, то какое, по вашему мнению, решение следовало принять и что следовало сделать Флакку после отъезда Помпея? XIII. (30) А разве мы здесь по предложению самого Помпея не постановили в год консулата Силана и Мурены ²², чтобы флот выходил в море у берегов Италии? Разве в то время, когда Луций Флакк требовал гребцов в Азии, мы здесь не израсходовали 4 300 000 сестерциев на плавание по Верхнему и Нижнему морям ²³? А разве годом позже, при квесторах Марке Курции и Публии Секстии не были израсходованы деньги на флот? А разве в течение всего этого времени не было конницы на побережье? Ведь ниспосланная богами слава Помпея в том и состоит, что, во-первых, те разбойники, которые тогда, когда ему было поручено вести войну на море, бродили и распространились по всему морю, нами все покорены; затем — в том, что Сирия — наша, что Киликию мы удерживаем под своей властью, что Кипр со своим царем Птолемеем не осмеливается ничего предпринять; кроме того, что благодаря доблести Метелла Крит принадлежит нам; что разбойникам неоткуда отплыть, некуда возвратиться; что все заливы, мысы, берега, острова, приморские города замкнуты на крепкие запоры нашей державы. (31) Даже если бы за все время претуры Флакка в море не появилось ни одного морского разбойника, его бдительность все-таки не заслуживала бы порицания; ведь именно потому, что у него был флот, их и не было, как я склонен думать. И если я на основании свидетельских показаний римских всадников Луция Эппия, Луция Агрия, Гая Цестия и присутствующего здесь прославленного мужа Гнея Домиция ²⁴, бывшего тогда легатом в Азии, утверждаю, что в то самое время, когда, по твоим словам, во флоте не было надобности, очень многие люди были захвачены морскими разбойниками, то и тогда решение Флакка потребовать для себя гребцов все же будут осуждать? А если пиратами даже был убит знатный человек из Адрамиттия, чье имя известно почти всем нам, — кулачный боец Атианакт, победитель в Олимпии? А ведь для греков — если уж говорить о том, чему они придают значение, — это обстоятельство, можно сказать, более важно, чем справить триумф ²⁵ в Риме.

²² Децим Юний Силан и Луций Лициний Мурена были консулами в 62 г. Гней Помпей возвратился в Рим в начале 61 г.

²³ Верхнее море — Адриатическое, Нижнее море — Тирренское.

²⁴ Плебейский трибун Гней Домиций Кальвин 59 г.

²⁵ Триумф — религиозный акт в честь Юпитера Капитолийского, приуроченный к возвращению в Рим полководца-победителя в войне с внешним врагом. Он состоял в торжественном шествии и жертвоприношении Юпитеру.

«Но ты никого не взял в плен». Как много было людей, начальствовавших на побережье, которые, не взяв в плен ни одного морского разбойника, все же обеспечили безопасность на море! Ведь пленение — дело случая; это зависит от места, от стечения обстоятельств, от удачи. Принять меры предосторожности в целях защиты нетрудно; надо разумно использовать не только укрытые места для пристанища, но и благоприятную погоду и ее перемены.

XIV. (32) Остается выяснить, своим ли ходом флот этот выходил в море и на весах ли плавал он или же только в записях о расходах и в отчетах. Возможно ли при таких обстоятельствах отрицать то, чему свидетельницей вся Азия, — что флот был разделен на две части, причем одна из них плавала выше Эфеса, другая — ниже Эфеса? С этим флотом Марк Красс, знаменитый муж, совершил плавание из Эноса в Азию; на этих кораблях Флакк отправился из Азии в Македонию²⁶. В чем же можно усмотреть недобросовестность претора: в численности ли кораблей или же в неравномерном распределении расходов? Он потребовал половину той суммы, какую назначил Помпей; мог ли он действовать мягче? Но он распределил денежные взносы в соответствии с расчетами Помпея, который, в свою очередь, сообразовался с распределением, произведенным Луцием Суллой²⁷. После того как последний распределил взносы между всеми гражданскими общинами провинции в известном соотношении, Помпей и Флакк, требуя денег на расходы, следовали его расчетам. Но эта сумма не внесена полностью и поныне. (33) «Он этого не показывает в своем отчете». — Верно, но какая прибыль ему от этого? Ведь он, беря на себя ответственность за истребование денег, сам признает то, в чем ты хочешь усмотреть преступление. Как же возможно доказать, что он, не показывая этих денег в своем отчете, сам создает для себя повод для обвинения, для чего не было бы повода, если бы он показал их в своем отчете? Но ведь ты утверждаешь, что мой брат, сменивший Луция Флакка, не требовал денег на набор гребцов. Со своей стороны, я радуюсь, когда хвалят брата моего, Квинта, но радуюсь больше, если эти похвалы относятся к более важным и более значительным делам. Он принял иное решение, взглянул на положение по-иному: он полагал, что в какое бы время ни распространился слух о появлении морских разбойников, он тотчас же снарядит флот, какой только захочет. Словом, мой брат первым в Азии постарался освободить гражданские общины от этого расхода на гребцов. Но преступления обыкновенно усматривают тогда, когда кто-либо требует затрат, каких ранее не было, а не тогда, когда преемник изменяет что-нибудь из того, что ранее установили его предшественники. Что другие совершат впоследствии, Флакк не мог знать; что было совершено до него, он видел.

XV. (34) Но так как об обвинении, предъявленном всей Азией, уже сказано, перейду теперь к обвинению со стороны отдельных гражданских общин; из них на первом месте у нас, конечно, должна быть гражданская община Акмония. Глашатай громко вызывает посланцев из Акмонии. Выходит один только Асклепиад. Пусть они выйдут вперед! Даже глашатай ты заставил солгать. Ведь этот муж, конечно, обладает достаточным авторитетом, чтобы быть представителем своей гражданской общины, осужденный у себя на родине позорнейшими для него приговорами²⁸ и заклеянный официальной записью; о его низких поступках, прелюбодеяниях и разврате говорят письма жителей Акмонии, которые я нахожу нужным обойти молчанием не только ввиду их многочисленности, но и ввиду позорнейшей непристойности выражений. Он сказал, что община дала Флакку 206 000 драхм. Он только сказал это, ничего не предъявил, но добавил (во всяком случае, он должен был это доказать, так как это касалось его лично), что дал 206 000 драхм как частное лицо. Но ведь этот бессовестнейший человек и мечтать никогда не смел о таких деньгах, какие, по его словам, от

²⁶ Энос — приморский город во Фракии. В 62 г., когда Помпей возвращался в Италию, Марк Лициний Красс выехал из Рима в Азию через Македонию и Фракию. Флакк отправился в Македонию по окончании своего наместничества в Азии.

²⁷ Имеются в виду мероприятия Суллы после заключения мира с Митридатом в 84 г. Пираты, связанные с Митридатом, не переставали угрожать провинциям и мореплаванию.

²⁸ *Iudicium turpe* — приговор, влекущий за собой утрату гражданских прав (*roepa capitalis*), а также приговор за некоторые *delicta privata* — кражи, присвоение чужого имущества, бесчестные поступки.

него получили. (35) Он говорит, что дал эти деньги при посредстве Авла Секстилия и своих братьев; Секстилий мог их дать; братья же Асклепиада такие же нищие, как и он сам. Итак, выслушаем Секстилия; пусть, наконец, выступят сами братья, пусть они солгут так бессовестно, как им будет угодно, и скажут, что дали то, чего у них никогда не было. Впрочем, когда их поставят лицом к лицу с нами, они, быть может, скажут что-нибудь такое, в чем не будет возможности их уличить. «Я не привозил Секстилия», — говорит Асклепиад. Подай записи. — «Я не захватил их». — Представь, по крайней мере, своих братьев. — «Я не вызывал их как свидетелей». Итак, неужели того, что здесь заявил один только Асклепиад, человек нищий, позорный образ жизни ведущий, всеобщим мнением осужденный, на свою бессовестность и наглость положившийся, не представив записей, не представив поручителя, мы испугаемся как обвинения и свидетельских показаний? (36) Он же говорил, что данный Флакку жителями Акмонии письменный хвалебный отзыв, который мы предъявили, — подложный. Правда, опорочить этот хвалебный отзыв было весьма желательно для нас; ведь как только этот великолепный представитель своей гражданской общины взглянул на официальную печать общины, он сказал, что его сограждане и другие греки обыкновенно то, что следует, запечатывают, сообразуясь с обстоятельствами. Оставь же себе этот хвалебный отзыв; ведь доброе имя и достоинство Флакка зависят не от свидетельских показаний жителей Акмонии. Ведь ты сам даешь мне в руки то доказательство, какого это дело требует более всего, — что греки не отличаются ни строгостью правил, ни стойкостью, ни твердостью в решениях, наконец, даже честностью в свидетельских показаниях. Разве только построение твоих показаний и твоей речи позволяет установить следующее различие: в пользу Флакка в его отсутствие гражданские общины, как говорят, кое-что сделали, а Лелию в его присутствии, хотя он и действовал лично, имеем закона, по праву обвинителя, а кроме того, утратил их и угрожал им своим влиянием, они по этому поводу ничего не написали и ничего не запечатали. XVI. (37) Я, со своей стороны, часто видел, судьи, что в мелочах обнаруживаются и заключаются важные вещи, например в случае с этим вот Асклепиадом. Хвалебный отзыв, предъявленный мною, был запечатан азиатской глиной, почти всем нам знакомой; ею пользуются все — не только для официальных, но и для частных писем, какие, как мы видели, изо дня в день присылаются откупщиками, нередко каждому из нас. Да ведь и свидетель, взглянув на печать, не сказал, что мы предъявляем подложный отзыв, но проявил свойственное всей Азии легкомыслие, которое мы, конечно, полностью признаем. Итак, наш хвалебный отзыв, который, по его словам, нам дали, сообразуясь с обстоятельствами, который, как он сам признает, во всяком случае, нам дали, запечатан глиной, между тем как на тех записях свидетельских показаний, которые, как говорят, были даны обвинителю, мы увидели восковую печать. (38) В связи с этим, судьи, если бы я думал, что постановления жителей Акмонии и письма прочих фригийцев для вас убедительны, то я стал бы изо всей мочи кричать и спорить, призвал бы в свидетели откупщиков, поднял бы на ноги дельцов, сослался бы на вашу осведомленность; обнаружив восковую печать, я убедился бы в том, что свидетели пойманы с поличным и что наглая ложь всех их показаний доказана. Но теперь я не стану ни слишком яростно напирать на это, ни чересчур хвалиться, ни наседать на этого бездельника, словно он действительно свидетель, ни задерживаться на всей совокупности свидетельских показаний жителей Акмонии, независимо от того, вымышлены ли они здесь на месте, что очевидно, или же, как говорят, присланы с родины. Свидетельских показаний этих людей, которым я готов уступить этот хвалебный отзыв, я вовсе не испугаюсь, так как они, по словам Асклепиада, люди ненадежные.

XVII. (39) Перехожу теперь к свидетельским показаниям жителей Дорилея: когда им предоставили слово, они сказали, что потеряли официальные письма вблизи Спелунк²⁹. О, неизвестные пастухи, склонные к литературе, раз они стащили у свидетелей одни только письма! Но я подозреваю другую причину; иначе эти свидетели, пожалуй, покажутся вам мало изворотливыми: в Дорилее, как я предполагаю, кара за подделку и подлог писем строже, чем в других местах; если бы они представили подлинные письма, то они не смогли бы предъявить обвинения; если бы они представили подложные, то они подлежали бы каре; они и признали превосходнейшим

²⁹ Город в Апулии, через который должны были проезжать жители Дорилея.

выходом сказать, что потеряли письма. (40) И так, пусть они успокоятся и примирятся с тем, что я зачту это себе в приход и займусь другим. Они не позволяют мне этого. Какой-то никому не известный человек дополняет их показания и говорит, что дал деньги частным путем. Это уже совершенно нетерпимо. Ведь даже тот, кто читает официальные записи, — те, что находились в распоряжении обвинителя, не должен заслуживать доверия; но правила судопроизводства все же оказываются соблюденными, когда сами записи, каковы бы они ни были, предъявляются. Но когда человек, которого никогда не видел ни один из вас, о ком никто не слышал, заявляет только одно: «Я дал...», — то станете ли вы, судьи, сомневаться, защищать ли вам знатнейшего гражданина от этого никому не известного фригийца? Ведь недавно трое почтенных и достойных римских всадников³⁰ не поверили этому же человеку, когда он в деле, касавшемся спора о статусе, говорил, что человек, которого объявляли свободным, его родственник. Как же тот, кто не внушил доверия к себе как свидетель, когда дело касалось его личного оскорбления и родственных уз³¹, в то же время может обладать большим авторитетом в деле об уголовном преступлении? (41) К тому же, когда тело этого жителя Дорилея при большом стечении народа, во время вашего заседания несли для погребения³², то ответственность за его смерть Лелий пытался возложить на Луция Флакка. Ты, Лелий, ошибаешься, думая, что если твои приспешники живы, то это для нас опасно, — тем более что смерть эта произошла, мне кажется, из-за твоей собственной небрежности: фригийцу, никогда не видевшему смоковницы, ты подставил корзину фиг. Его смерть тебе принесла некоторое облегчение: ты избавился от постояльца-обжоры. Но какую пользу она принесла Флакку, раз этот человек был здоров, пока выступал здесь, и умер, уже выпустив свое жало и дав показания? Что же касается Митридата³³, главной опоры твоего обвинения, то после того как он, допрашивавшийся нами в течение двух дней, выложил все, что хотел, он удалился опровергнутый, избалованный, сломленный. Он ходит, надев панцирь; человек искушенный и опытный, он боится, что Луций Флакк теперь, когда он уже не может уйти от его свидетельских показаний, может запятнать себя преступлением; человек, который до своего выступления как свидетель, когда он все-таки мог чего-то достигнуть, собой владел, теперь старается присоединить к своим лживым свидетельским показаниям насчет Луция Флакка обоснованное обвинение в злодеянии. Но так как вопрос об этом свидетеле и обо всем этом «митридатом» обвинении тонко и красноречиво разобрал Квинт Гортенсий, то я, как я себе и наметил, перейду к дальнейшему.

XVIII. (42) Главный сеятель смуты среди всех греков — это сидящий вместе с обвинителями пресловутый Гераклид из Темна, человек глупый и болтливый, но, как ему кажется, настолько ученый, что он даже называет себя их наставником. Но тот, кто столь искателен, что изо дня в день приветствует всех вас и нас, в Темне, несмотря на свои почтенные годы, не смог пройти в сенат и, хотя заверяет, что он может даже других обучать ораторскому искусству, сам проиграл все позорнейшие судебные дела. (43) Вместе с ним как посланец приехал Никомед, человек такой же удачливый, который не смог пройти в сенат ни при каких обстоятельствах и был осужден и за кражу, и как член товарищества³⁴. Глава посольства Лисаний, правда, вошел в сословие сенаторов, но, так как чересчур глубоко вникал в государственные дела, был осужден за казнокрадство и утратил как свою собственность, так и звание сенатора. Эти три человека утверждали, что подложны даже записи нашего эрария; ведь они заявили, что при них находятся девять рабов, хотя прибыли без единого спутника. В записи постановления, как я вижу, главное участие принимал

³⁰ Это были, несомненно, рекуператоры (см. прим. 13).

³¹ При отпуске на свободу заинтересованное лицо могло выступать лично. От его имени мог выступить так называемый *adsertor in libertatem*. Председатель Дорилея мог выступить как адсертор.

³² Похоронные процессии следовали в Риме через форум и комиций и останавливались перед ораторской трибуной, с которой произносилась речь о заслугах умершего.

³³ О Митридате Пергамском см. выше (17). Он, очевидно, обвинил Флакка в покушении на его жизнь с целью устранения опасного свидетеля.

³⁴ *Actio pro socio* — судебное преследование за нарушение договора о товариществе и обязанностей его члена.

Лисаний; имущество его брата, так как он не платил общине, в претору Флакка было продано в пользу казны. Существуют еще некий Филипп, зять Лисания, и Гермобий, чей брат Полид был осужден за хищение государственных средств. XIX. Они заявляют, что дали Флакку и людям, бывшим вместе с ним, 15 000 драхм. (44) Но ведь я имею дело с гражданской общиной, весьма строгой и точной в ведении записей, в которой не взять себе и сестерция без участия пятерых преторов, троих квесторов и четверых казначеев³⁵, избираемых народом. Из такого большого числа людей не вызван ни один, а эти вот люди, составив запись о том, что эти деньги были даны именно Флакку, говорят, что они, давая их ему, записали другую, большую сумму, якобы израсходованную на восстановление храма; все это совсем не согласуется одно с другим; ведь либо все следовало внести в отчеты тайно, либо все внести открыто. Когда они записывают выдачу денег на имя Флакка, они ничего не боятся, ничего не опасаются; когда эти же люди относят ее к расходам на общественные работы, они страшатся того самого человека, которого они ранее презирали. Если деньги дал претор, как об этом записано, то он уплатил наличными через квестора, квестор — через казначейство, казначейство — либо за счет сборов, либо за счет податей. Это никогда не будет походить на обвинение, если ты не разъяснишь мне всех сведений — и насчет людей, и насчет записей.

(45) Что касается записи, имеющейся в этом же постановлении, — что виднейшие люди в гражданской общине, занимавшие высшие должности, в год претуры Флакка стали жертвами обмана, то почему их нет на суде и почему они не названы в постановлении? Ибо я не верю, чтобы в этой части постановления имелся в виду человек, который теперь встает, — Гераклид. Относится ли к числу виднейших граждан тот, кого присутствующий Гермипп передал для суда над ним, тот, кто даже полномочия посланца, какие он осуществляет, от своих сограждан не получил, а выпросил, приехав из Тмола, тот, кто в своей гражданской общине не был удостоен ни одной почетной должности и кому за всю жизнь было поручено лишь одно дело и притом такое, какое поручалось только самым незначительным людям? В год претуры Тита Авфидия³⁶ он был назначен хранителем казенных запасов зерна; получив за зерно деньги от претора Публия Вариния³⁷, он скрыл это от сограждан и, более того, поставил это зерно им в счет. После того как в Темне это узнали и раскрыли на основании письма, полученного от Вариния, и когда Гней Лентул³⁸, бывший цензор, патрон Темна, прислал письмо о том же, этого Гераклида впоследствии никто не видел в Темне. (46) А дабы вы могли понять всю его бессовестность, прошу вас ознакомиться с самым делом, вызвавшим у этого ничтожнейшего человека озлобление против Флакка. XX. Гераклид, будучи в Риме, купил у малолетнего Мекулония угоды в Кимах. Так как на словах он себя выдавал за богача, но не обладал ничем, кроме бессовестности, которую вы видите, то он взял деньги взаймы у Секста Стлога, присутствующего здесь нашего судьи, влиятельного человека, который это подтверждает; он хорошо знает Гераклида. Стлога все же одолжил ему деньги при поручительстве Публия Фульвия Нератия, виднейшего человека. Чтобы расплатиться с ним, Гераклид занял деньги у римских всадников Гая и Марка Фуфиев, людей влиятельных. Здесь он, клянусь Геркулесом, «выклевал ворове глаз»³⁹, как говорится. Ведь он подвел присутствующего здесь Гермиппа, образованного человека, своего согражданина, который должен был бы хорошо знать его. Ибо именно по его поручительству он занял деньги у Фуфиев. Гермипп спокойно уезжает в Темн, так как Гераклид говорит, что он уплатит Фуфиям деньги, занятые у них при его поручительстве, как только получит плату от своих учеников. (47) Ведь у него как у ратора обучалось несколько богатых юношей, причем они уходили от него большими невеждами, чем были, поступая к нему; но ему никого не удалось одурачить настолько, чтобы ему доверили хотя бы один сестерций. И вот, после того как он тайно уехал из Рима,

³⁵ Оратор заменяет наименования должностных лиц греческой гражданской общины привычными для римлян соответствующими названиями.

³⁶ Квестор 84 г., пропретор Азии около 74 г.

³⁷ Публий Вариний Глабр, пропретор Азии в 72 г.

³⁸ Гней Корнелий Лентул Клодиан, консул 72 г., цензор 70 г.

³⁹ Поговорка: обмануть самого хитрого человека (ср. Цицерон, «В защиту Мурены», 25).

не уплатив многим людям мелких долгов, он прибыл в Азию и на вопрос Гермиппа насчет долга Фуфиям ответил, что уплатил им все деньги. Между тем вскоре после этого к Гермиппу приехал от Фуфиев вольноотпущенник с письмом; деньги требуют от Гермиппа; Гермипп требует их от Гераклида; притязания Фуфиев он все же удовлетворяет сам, не сносясь с ними лично, и оправдывает свое поручительство; Гераклида же, мечущегося и уваливающего, он преследует в суде. Дело рассматривается рекуператорами. (48) Не думайте, судьи, что люди, склонные обманывать и отрицать свои долги, не оказываются одинаково бессовестными, где бы они ни находились. Он поступил точно так же, как обыкновенно поступают наши должники, — заявил, что он вообще не делал займа в Риме; имени Фуфиев он, по его утверждению, вообще никогда не слышал, а Гермиппа, добросовестнейшего и честнейшего человека, моего старого друга, моего гостеприимца, блистательнейшего и виднейшего гражданина в своей общине, он оскорбил всяческой бранью и хулой. В то время этот ловкач еще кичился своей невероятной быстротой в произнесении речи, но после того как были оглашены свидетельские показания Фуфиев и его заемные письма на их имя, этот наглец вдруг струсил, говорун онемел. Поэтому рекуператоры при первом же слушании решили дело как вполне ясное, не в его пользу. Так как он не выполнил их решения, он был присужден Гермиппу и уведен им⁴⁰. XXI. (49) Вот вам честность Гераклида, достоверность его свидетельских показаний и вся причина его озлобления против Флакка. Отпущенный впоследствии Гермиппом, которому он продал нескольких рабов, Гераклид ездил в Рим, затем возвратился в Азию, после того как мой брат уже сменил Флакка. Он обратился к моему брату и представил дело так, будто рекуператоры вопреки своей воле, вследствие принуждения и запугивания со стороны Флакка вынесли неправильное решение. Как человек справедливый и принципиальный, мой брат постановил: если Гераклид отвергает судебное решение, то он должен заплатить вдвойне; если он говорит, что рекуператоры были в то время запуганы, то теперь его будут судить те же рекуператоры. Гераклид отказался и, словно не было вынесено никакого решения, никакого судебного приговора, тут же начал требовать от Гермиппа рабов, которых он сам ему продал. Легат Марк Гратидий, к которому обратились, отказал ему в слушании дела и объявил, что решение по делу должно оставаться в силе. (50) Так как Гераклиду деваться было некуда, он возвратился в Рим; за ним по пятам следует Гермипп, ни разу не отступивший перед его бессовестностью. Гераклид требует от сенатора Гая Плоция, влиятельного мужа, бывшего в Азии легатом, нескольких рабов, которых он, по его словам, после того как он был осужден, был вынужден ему продать. Квинт Насон, достойнейший муж, который когда-то был претором, избирается как судья. Так как он дал понять, что выскажется в пользу Плоция, то Гераклид отказался от него как от судьи, и так как суд был не по закону, то он отказался от всего дела. Не кажется ли вам, судьи, что я уделил достаточно внимания каждому свидетелю в отдельности, а не выступаю, как я решил вначале, против всех свидетелей сообща?

(51) Перехожу к Лисанию, принадлежащему к той же гражданской общине, твоему особому свидетелю, Дециан! Познакомившись с ним в Темне, когда он был еще юношей, ты, так как он тогда радовал тебя, нагой, пожелал, чтобы он всегда был наг; ты увез его из Темна в Аполлониду, ты ссудил конца деньгами под большие проценты, все же взяв залог⁴¹. По твоим словам, этот залог перешел к тебе; ты его сохраняешь и поныне и владеешь им. Этого свидетеля ты, подав ему надежду на обратное получение угодия его отца, принудил приехать для дачи показаний; так как он еще не давал показаний, то я и жду, что именно он скажет. Знаю я этих людей, знаю их привычки, знаю их прихоти. Итак, хотя и предвижу, что он готов сказать, я все-таки не стану приводить возражений, пока он не выскажется. Ибо

⁴⁰ Несостоятельный должник, не выполнивший решения суда в течение 30 дней, мог быть «присужден» своему кредитору, который заключал его в свою домовую тюрьму.

⁴¹ *Fiducia* — залог, который должник передавал заимодавцу в полную собственность путем манципации или *in iure cessio*, отказ от прав собственности перед лицом должностного лица с правом обратного получения этого имущества после уплаты долга. При неуплате долга в течение определенного срока имущество могло быть продано заимодавцем.

он все извратит и придумает что-нибудь другое. Поэтому пусть он хранит то, что подготовил, а я сохранию все свои силы для ответа на то, что он преподнесет.

XXII. (52) Перехожу теперь к той гражданской общине, которой я не раз выражал большое расположение и оказал много важных услуг и к которой мой брат относится с особенным уважением и приязнью. Если бы эта гражданская община обратилась к вам с жалобами при посредстве честных и достойных людей, то я волновался бы больше. Но что подумать мне теперь? Что жители Тралл поручили дело своей гражданской общины Меандрию, неимущему, ничтожному человеку, без должного положения, не пользующемуся уважением, без ценза? Где же были Пифодоры, Архидемы, Эпигоны и другие люди, и у нас известные, и знаменитые среди своих соотечественников, где был весь этот великолепный и славный цвет вашей общины? Не правда ли, если бы жители Тралл вели дела добросовестно, им было бы стыдно, что Меандрия называют, уже не говорю — посланцем, но вообще жителем Тралл? И этому вот посланцу, этому вот официальному свидетелю отдали бы они своего патрона (после того как их патронами были его отец и предки) на заклятие свидетельскими показаниями гражданской общины? (53) Это не так, судьи, конечно, не так. Я сам при судебном разбирательстве одного дела недавно видел Филодора свидетелем от имени Тралл, видел Паррасия, видел Архидема, причем этот же Меандрий вертелся подле меня как бы в качестве прислужника, подсказывая мне, что я мог бы сказать во вред его согражданам и гражданской общине, если бы я захотел. Ведь не найти человека более ничтожного, более нищего, более порочного, чем он. И если именно ему жители Тралл поручили выразить их огорчение, хранить их грамоты, свидетельствовать о несправедливости, совершенной по отношению к ним, и передать их жалобы, то пусть они оставят свою гордыню, откажутся от своего самомнения, будут менее заносчивы и признают, что в лице Меандрия выражен облик гражданской общины. Но если они сами всегда считали, что его следует раздавить и растоптать уже на родине, то пусть они перестанут придавать значение тем свидетельским показаниям, передать которые от своего имени не согласился никто.

XXIII. Но я изложу обстоятельства дела, дабы вы могли понять, почему эта гражданская община и не подвергла Флакка суровым нападкам, и не запитила его с благожелательностью. (54) Они были раздражены против него из-за своего долга Кастрицию⁴²; насчет всего этого уже ответил Гортенсий; они неохотно выплатили Кастрицию деньги, которые они уже давно ему были должны. Отсюда и вся ненависть, отсюда и все недовольство. Когда Лелий приехал в Траллы к раздраженным людям и речами своими разбередил рану, связанную с долгом Кастрицию, то видные люди промолчали; они не пришли на созванную тогда народную сходку и отказались нести ответственность за это постановление и свидетельские показания. На этой народной сходке было так мало оптиматов⁴³, что первым из первых оказался Меандрий, который языком своим, словно опахалом мятежа, возбудил неимущих людей, собравшихся на сходку. (55) Итак, узнайте, каковы справедливое огорчение и жалобы этой общины, добросовестной, какой я всегда ее считал, и достойной уважения, какой ее жители хотят считать. Они жалуются на то, что деньги, которые им были переданы гражданскими общинами на имя Флакка-отца, у них отняли. Я рассмотрю в другом месте, что было дозволено Флакку; теперь я только спрашиваю представителей Тралл, считают ли они те деньги, которые, согласно их жалобе, у них были отняты, своими, переданными им гражданскими общинами в их полное распоряжение. Я очень хочу услышать ответ. «Мы, — говорит Меандрий, — не говорим этого». А что в таком случае? — «Что эти деньги нам доставили и доверили на имя Флакка-отца для устройства игр в его честь». — Что же дальше? «Этих денег, — говорят они, — тебе не было дозволено брать». (56) Я сейчас рассмотрю этот вопрос, но сначала остановлюсь на одном обстоятельстве: значительная, богатая, влиятельная гражданская община жалуется на то, что ей не удалось сохранить за собой чужую собственность; она говорит, что она ограблена, так как у нее нет того, что ей не принадле-

⁴² О римском всаднике Кастриции см. Цицерон, К Аттику, II, 7, 55; XII, 28, 3. Община Траллы была должником Кастриция, обратившегося к суду претора Флакка, который решил дело в пользу Кастриция.

⁴³ Оратор прибегает к привычным для римлян понятиям: «оптиматы», «народная сходка».

жало. Возможно ли сказать или вообразить себе что-нибудь более бессовестное? Был выбран один город для того, чтобы в нем хранились деньги, собранные во всей Азии в предназначенные для оказания почестей Луцию Флакку. Все эти деньги, вместо оказания почестей, были использованы для стяжания и ростовщичества; они были возвращены только через много лет. XXIV. (57) Какое же беззаконие было совершено по отношению к гражданской общине? «Но гражданская община весьма недовольна этим». — Верю; ведь вопреки ее чаяниям утрачен доход, который она, в чаяниях своих, уже сожрала. — «Но она жалуется». — Она поступает бессовестно; не на все то, что нам неприятно, мы можем справедливо жаловаться. — «Но она обвиняет Флакка очень настойчиво». — Не гражданская община, а неискушенные люди, натравленные Меандрием. В связи с этим хорошенько постарайтесь припомнить, сколь безрассудна бывает толпа, какова свойственная грекам ничтожность, сколь сильно воздействует на народную сходку речь, призывающая к мятежу. Даже здесь, в нашей преисполненной достоинства и самообладания гражданской общине, когда на форуме постоянно происходит суд, постоянно присутствуют магистраты, постоянно бывают честнейшие мужи и граждане, когда на ростры⁴⁴ взирает и держит их в своей власти курия⁴⁵, карающая за безрассудство и руководящая исполнением долга, то сколь сильные волнения на сходках вам все же приходится видеть! Что же, по-вашему, происходит в Траллах? Не то же самое ли, что и в Пергаме? Или, быть может, эти гражданские общины хотят, чтобы думали, что одному письму Митридата⁴⁶ было легче подвигнуть и толкнуть их на нарушение дружбы с римским народом, своих клятв в верности, всех требований долга и человечности; чем на то, чтобы они своими свидетельскими показаниями нанесли вред сыну того, кого они некогда признали нужным прогнать от своих стен оружием? (58) Поэтому не называйте мне, с целью возражения, знаменитых гражданских общин; ведь эта ветвь рода никогда не испугается тех свидетелей, которых она презирала как врагов. Но вы должны признать что-нибудь одно: если вашими гражданскими общинами правят советы первых граждан, то эти гражданские общины начали войну с римским народом не из-за безрассудства толпы, а по решению своих оптиматов; если же эта смута тогда была вызвана безрассудством неискушенных людей, то позвольте мне отличать заблуждения черни от государственного дела.

XXV. (59) «Но ведь Луцию Флакку брать себе эти деньги не было дозволено». — Признаете ли вы, что это было дозволено Флакку-отцу, или не признаете? Если это было дозволено, — а ему, несомненно, было дозволено взять себе деньги, собранные для оказания ему почестей, из которых он ни одной не был удостоен, — то сын взял себе деньги отца по праву; если же этого не было дозволено, то все-таки после его смерти не только сын, но и любой наследник мог взять их себе с полным правом. Но именно тогда жители Тралл — после того как сами они в течение ряда лет давали эти деньги в большой рост — все же добились от Флакка всего, чего хотели добыть, и не были столь бессовестны, чтобы осмелиться сказать то, что сказал Лелий, — что эти деньги у них отнял Митридат. Ведь кто не знал, что Митридат больше старался возвеличивать жителей Тралл, чем их грабить? (60) Если бы я говорил об этом так, как мне следует говорить, то вопрос о том, насколько мы должны доверять свидетелям из Азии, я, судьи, рассмотрел бы строже, чем рассматривал до настоящего времени. Я предложил бы вам вспомнить войну с Митридатов, вызвавшее чувство жалости жестокое истребление всех римских граждан, происшедшее в одно и то же мгновение в стольких городах, выдачу наших преторов, наложение оков на легатов, чуть ли не уничтожение самой памяти об имени Рима и всяких следов нашей державы не только в тех местностях, где жили греки, но даже в их записях. Митридат же они называли богом, отцом, спасителем Азии, Евгием, Нисием, Вакхом, Либером. (61) В одно и то же время вся Азия заперла ворота перед консулом Луцием Флакком, а этого каппадокийца не только принимала в своих городах, но даже сама призывала. Да будет нам дозволено, если забыть это мы не можем, хотя бы молчать;

⁴⁴ Метафора: речи ораторов к народу. Ростры — ораторская трибуна.

⁴⁵ Метафора: сенат, чаще всего собиравшийся в Гостилиевой курии.

⁴⁶ Имеется в виду истребление по приказу Митридата VI в. 88 г., во время первой войны между Митридатов и Римом, всех римлян, находившихся в городах Малой Азии. По данным античных авторов, было убито около 80 тысяч человек.

да будет мне дозволено сетовать на ничтожность греков, а не на их жестокость. Могут ли доверять им те, чьего существования они вообще не хотели допустить? Ведь одетых в тоги они истребили — кого только смогли; самое название «римские граждане» они, насколько это зависело от них, уничтожили.

XXVI. Далее, разве они не заносчиво ведут себя в нашем Городе, который они ненавидят, среди нас, на которых они и смотреть не хотят, в том государстве, для уничтожения которого у них не хватило не присутствия духа, а сил? Пусть взглянут они на этот вот цвет посланцев и представителей за Флакка, приехавших из подлинной и нетронутой Греции; затем пусть они сами себя оценят; затем пусть они сравнят себя с этими вот людьми; затем, если осмелятся, пусть поставят себя по достоинству выше них. (62) Здесь находятся представители Афин, города, где, как считают, зародились науки, просвещение, религия, земледелие, права, законы и откуда они распространились по всей земле; по преданию, из-за владения этим городом, ввиду его красоты, возник спор даже между богами. Город этот столь древен, что сам, как говорят, породил своих граждан, и одну и ту же землю называют их родительницей, кормилицей и отечеством; значение его столь велико, что уже почти исчезнувшее и угасшее имя Греции все еще живет благодаря славе этого города. (63) Здесь находятся и лакедемоняне; общеизвестная и прославленная доблесть их гражданской общины, как считают, была укреплена не только природой, но и их установлениями; во всем мире одни они вот уже более семисот лет живут по одним и тем же обычаям и законам, не изменявшимся ни разу. Здесь находятся многочисленные посланцы из всей Ахайи, Беотии, Фессалии — местностей, которыми Луций Флакк недавно управлял как легат при императоре Метелле. Не обойду молчанием и тебя, Массилия, знавшая Луция Флакка как военного трибуна и квестора; установления и значение этой гражданской общины, скажу я, по всей справедливости следует поставить выше установлений и значения не только Греции, но, пожалуй, и всех народов; столь удаленная от областей, установлений и языка всех греков Массилия, окруженная на краю света галльскими племенами и омываемая волнами варварства, так управляется мудростью своих оптиматов, что прославлять ее устройство всем людям легче, чем с ним соперничать. (64) Вот каковы представители за Флакка, вот каковы свидетели его невинности! Итак, мы можем отразить натиск греков при посредстве самих греков.

XXVII. Впрочем, кто не знает, — конечно, если этот человек когда-либо старался хоть сколько-нибудь ознакомиться с положением этих дел, — что в действительности существуют три греческие народности? Одни из них — афиняне, считавшиеся ионийским племенем, другие назывались эолянами, третьи — дорьянами. И вот вся эта Греция, процветавшая благодаря молве, благодаря славе, благодаря философии, благодаря многим наукам, а также своему владычеству и воинским подвигам, занимает и всегда занимала, как вы знаете, так сказать, небольшое место в Европе. Завоеванное ею морское побережье Азии она окружила рядом городов, дабы держать народы этой страны в своей власти не под защитой колоний, а как бы в осаде. (65) Поэтому прошу вас, свидетели из Азии, — когда вы действительно захотите составить себе мнение о доверии, какого заслуживают ваши показания в суде, представьте себе Азию и вспомните не то, что чужеземцы о вас обыкновенно говорят, а то, что вы сами о себе думаете. Ведь Азия ваша, если не ошибаюсь, состоит из Фригии, Мисии, Карии и Лидии. Так вот, это ваша или наша поговорка, что «фригиец битый становится лучше»? Что касается Карии, то не с ваших ли слов стало ходячим: «Если хочешь рискнуть, свяжись с карийцем»? Далее, какая греческая поговорка более избита и распространена, когда к кому-нибудь выражают презрение, чем «последний из мисийцев»? А что сказать о Лидии? Кто из греков когда-нибудь написал комедию, в которой раб, главное действующее лицо, не был бы лидийцем? Итак, оскорбляем ли мы вас тем, что решили опираться на ваше собственное суждение о себе? (66) Мне лично кажется, что о качествах свидетелей из Азии я сказал уже достаточно и даже слишком много; но все-таки, судьи, ваше дело — все то, что можно сказать об их ненадежности, непостоянстве и пристрастии, даже в том случае, если я говорю об этом недостаточно, принять во внимание и обдумать.

XXVIII. Следующий вопрос — о недовольстве из-за золота иудеев⁴⁷. Вот, не-

⁴⁷ Иудеи, жившие за пределами Палестины, ежегодно вносили сбор (по 2 драхмы, по данным Иосифа Флавия) на нужды Иерусалимского храма.

сомненно, причина, почему дело это слушается недалеко от Аврелиевых ступеней⁴⁸. Именно из-за этого обвинения ты, Лелий, и выбрал это место и собрал эту толпу. Ты знаешь, как велика эта шайка, как велико в ней единение, как велико ее значение на народных сходках. Поэтому я буду говорить, понизив голос, чтобы меня слышали одни только судьи; ведь в людях, готовых натравить иудеев на меня и на любого честнейшего человека, недостатка нет; не стану им это облегчать. (67) Хотя золото обычно из года в год от имени иудеев вывозилось в Иерусалим из Италии и из всех наших провинций, Флакк эдиктом своим запретил вывозить его из Азии. Кто искренно не похвалил бы его за это, судьи? О запрете вывоза золота сенат принимал строжайшие постановления и неоднократно в прошлом, и в год моего консулата. Бороться с этим варварским суеверием было долгом строгости, презирать, ради блага государства, толпу иудеев, нередко приходившую в ярость на народных сходках, — долгом высшего достоинства. «Но ведь Гней Помпей, — скажут мне, — взяв Иерусалим, ни к чему не прикоснулся в святилище, хотя и был победителем»⁴⁹. — (68) В этом случае, как и во многих других, он поступил особенно мудро; в городе, столь склонном к подозрениям и к злоречию, он не подал ни малейшего повода к пересудам хулителей; ибо не религия иудеев и притом наших врагов, не сомневаюсь, помешала нашему выдающемуся императору сделать это, а его личная порядочность. В чем же преступление Флакка, если ты нигде не обнаруживаешь хищений, одобряешь эдикт, признаешь дело решенным, не отрицаешь того, что золото было найдено и предьявлено в присутствии всех; о том, что все было совершено достойнейшими мужами, свидетельствуют обстоятельства дела. В Апамее при посредстве римского всадника Квинта Цесия, честнейшего и бескорыстнейшего человека, у всех на глазах на форуме у ног претора⁵⁰ было взвешено около 100 фунтов задержанного золота; в Лаодикее при посредстве присутствующего здесь Луция Педуцея, нашего судьи, — немногим более 20 фунтов; в Адрамитии при посредстве легата Гнея Домиция... (*лакуна*); в Пергаме — немного. (69) Отчет, касающийся золота, верен; золото — в Эририи; хищений не раскрыто; все дело — в стремлении вызвать ненависть к нам. Произнося речь, от судей отворачиваются и обращаются к слушателям, толпящимся вокруг. В каждом государстве своя религия, Лелий, у нас своя. Когда Иерусалим был независим, а иудеи — мирными, то совершение ими своих религиозных обрядов все же было несовместимо с блистательностью нашей державы, с достоинством нашего имени, с заветами наших предков; теперь — тем более, так как этот народ, взявшись за оружие, показал, каковы его чувства к нашей державе; насколько он дорог бессмертным богам, мы поняли, так как он побежден, так как сбор дани с него сдан на откуп, так как он порабощен.

XXIX. (70) И вот, так как все то, что ты хотел представить как основания для обвинения, как видишь, превратилось в повод к восхвалению, то перейдем теперь к жалобам римских граждан. Первой из них, конечно, пусть будет жалоба Дециана. Какая же несправедливость была совершена по отношению к тебе, Дециан? Ты ведешь дела в независимом городе⁵¹. Прежде всего позволь мне проявить любопытство: доколе будешь ты вести дела, тем более при твоём происхождении?⁵² Вот уже в течение тридцати лет ты постоянно бываешь на форуме, но на пергамском. Через большие промежутки времени, если твои дела заставляют тебя выехать на чужбину, ты приез-

⁴⁸ Имеется в виду Аврелиев трибунал, построенный, скорее всего, консулом 74 г. Марком Аврелием Котгой.

⁴⁹ Во время третьей войны с Митридатом в Палестине происходила борьба между фарисеями, сторонниками первосвященника Гиркана, и Аристовулом, братом Гиркана. Легаты Помпея Габиний и Скавр встали на сторону Аристовула, но Помпей, прибывший в Палестину в конце 65 г., встал на сторону партии фарисеев. Партия Аристовула подняла восстание, но была побеждена, Иерусалимский храм был взят после осады. Помпей вошел в святая святых храма, но пощадил его сокровища (см. *Иосиф Флавий*, Иудейская война, I, 7, 6).

⁵⁰ То есть перед трибуналом претора. Апамея и Лаодикей — города во Фригии, Адрамитий — приморский город в Мисии.

⁵¹ В Аполлониде: ср. выше (51). Независимые гражданские общины (*civitates liberae*) были свободны от военной оккупации, имели суды на основании своих законов (автономия). Этим судам были подсудны и римские граждане.

⁵² Отец обвинителя Гай Аппулей Дециан был осужден, по-видимому, за преступление против величества и удален в изгнание, где он впоследствии перешел на сторону Митридата.

жаешь в Рим с новым обликом, но с древним родовым именем, в одежде из тирского пурпура ⁵³, из-за которой я только могу позавидовать тебе, так как это твой единственный наряд, в котором ты так долго щеголяешь. (71) Но пусть будет по-твоему; тебе хочется вести дела. Почему не в Пергаме, не в Смирне, не в Траллах, где римских граждан много и где суд творит наш магистрат? Ты наслаждаешься покоем; тяжбы, толпа, претор тебе ненавистны; ты радуешься тому, что греки свободны. Почему же тогда с жителями Аполлониды, глубоко преданными римскому народу, с нашими вернейшими союзниками, один ты обращаешься более жестоко, чем с ними когда-либо поступал Митридат или даже твой отец? Почему из-за тебя им нельзя наслаждаться свободой, почему им вообще нельзя быть свободными? Ведь они — самые рачительные, самые неподкупные люди во всей Азии, очень далекие от развращенности и ничтожности греков, довольные своим положением отцы семейств, землепашцы, сельские жители; их поля плодородны и стали еще лучше после заботливой обработки. Вот в этом краю ты и пожелал владеть поместьем. Правда, я бы предпочел — и это подобало бы тебе больше, — чтобы ты, если тебя так радовали тучные поля, приобретал их где-нибудь здесь: в Кростуминской области или в Капенской. (72) Но пусть будет по-твоему! Есть поговорка Катона: «Главное не деньги, а ноги» ⁵⁴. Да, далеко от Тибра до Каика ⁵⁵, где, пожалуй, сам Агамемнон заблудился бы со своими войсками, не найди он проводника в лице Телефа ⁵⁶. Но я делаю тебе и эту уступку: тебе понравился город, местность пришлась по сердцу. Почему бы не купить?

XXX. По своему происхождению, положению, доброму имени, богатству первый человек в этой гражданской общине — Аминт. Его тещу, недалекую, но довольно богатую женщину, Дециан завлек и, так как она не понимала, что именно происходит, завладел ее поместьями и расселил в них своих рабов. Он отнял у Аминта беременную жену, которая родила дочь в доме у Дециана; в настоящее время у него находится жена Аминта и его дочь. (73) Придумал ли я хоть что-нибудь из того, что говорю, Дециан? Это известно всем знатым людям, известно честным мужам, наконец, известно нашим соотечественникам, известно рядовым дельцам. Встань, Аминт, потребуй, чтобы Дециан возвратил тебе не деньги, не поместья; пусть он, наконец, оставит у себя твою тещу; пусть он вернет тебе жену, пусть отдаст несчастному отцу его дочь. Тело твое, которое он изувечил ударами камней, палок и меча, руки твои, которые он разможил, пальцы твои, которые он переломал, жилы, которые он рассек, вернуть тебе он не может. Дочь, повторяю, дочь возврати несчастному отцу, Дециан! (74) И ты удивляешься тому, что Флакк не одобрил этого? А кто, скажи на милость, это одобрит? Ты совершил мнимые покупки, ты совершил проскрипции поместий путем открытого обмана жалких женщин; по греческим законам в записи надо было назвать опекуна; вот ты и вписал имя Полемократа, своего наймита и пособника в осуществлении твоих замыслов. Дион привлек Полемократа к суду, обвинив его в злом умысле и в обмане в связи с этой опекой. Каково было стечение людей из всех окрестных городов, каково было негодование, каковы были жалобы! Полемократ был осужден единогласно; продажа была признана недействительной, проскрипции — недействительными. Разве ты возвратил поместья? Ты предложил жителям Пергама внести твои пресловутые проскрипции и покупки в их официальные книги. Они отказались наотрез. А кто эти люди? Жители Пергама, предстатели за тебя. Ведь ты, как мне показалось, до такой степени возгордился, получив хвалебный отзыв жителей Пергама, словно удостоился почета, достигнутого твоими предками, и потому считал себя выше Лелия, что тебя прославляла пергамская гражданская община. Разве пер-

⁵³ Верхняя одежда иностранцев; от них римляне заимствовали обычай окрашивать пурпуром дорожные плащи (*lascerna*) и военные плащи (*sagum*). Тирийский темно-красный пурпур считался дорогим (ср. *Овидий*, *Фасты*, II, 107; *Ювенал*, *Сатиры*, I, 27).

⁵⁴ Смысл изречения Катона Старшего: недостаток денежных средств возмещается проворством и энергией.

⁵⁵ Каик — река в Мисии.

⁵⁶ Телеф, сын Геракла, был в Мисии, когда туда прибыли греки, выступившие в поход против Трои. Он оказал им сопротивление и был ранен Ахиллом. Узнав о происхождении Телефа, греки предложили ему участвовать в их походе, от чего тот отказался, и греки отплыли без него. Буря отбросила греков назад, и Телеф, после того как Ахилл вылечил нанесенную им Телефу рану, отплыл вместе с ними и привел их к берегам Трои.

гамская община пользуется бóльшим уважением, чем смирнская? Даже сами они этого не говорят.

XXXI. (75) Хотел бы я иметь достаточно свободного времени, чтобы прочитать вслух решение жителей Смирны, принятое ими о Кастриции после его смерти: во-первых, внести его тело в город, что не разрешается для других; затем, чтобы его несли юноши; наконец, чтобы на умершего надели золотой венок. Для Публия Сципиона⁵⁷, прославленного мужа, этого не сделали, когда он умер в Пергаме. Что касается Кастриция, — бессмертные боги! — с какими словами обращаются они к нему! «Гордость отечества, украшение римского народа, цвет юношества». Вот почему, если ты, Дециан, жаждешь славы, то я тебе советую добиваться иных похвал. Жители Пергама посмеялись над тобою. (76) Как? Ты не понимал, что над тобой издеваются, когда они читали тебе: «Прославленного мужа выдающейся мудрости, редкостного ума...»? Поверь мне, они издевались над тобой. Когда они, в записях своих, надевали на тебя золотой венок, а на деле доверяли тебе не больше золота, чем галке⁵⁸, то ты даже тогда не сумел оценить всей их тонкости и остроумия? Ведь именно эти жители Пергама отвергли проскрипции, которые ты пытался им подсунуть. Публий Орбий⁵⁹, проницательный и неподкупный человек, выступил против тебя по всем вопросам.

XXXII. У Публия Глобула, моего близкого друга, ты нашел бóльшую поддержку. О, если бы ни ему, ни мне не пришлось в этом раскаиваться! (77) Ты говоришь, что Флакк вынес по твоему делу несправедливое решение. Ты указываешь также, как на причину враждебных отношений, на то, что твой отец, будучи плебейским трибуном, привлек отца Луция Флакка, тогда курульского эдила, к суду⁶⁰. Но это, по-видимому, не должно было доставить особых неприятностей даже отцу Флакка — тем более что он, который был привлечен к суду, впоследствии был избран в преторы и консулы, а тот, кто его привлек к суду, не смог оставаться в гражданской общине даже как частное лицо. Но если ты думал, что вапа неприязнь оправдана, то почему ты во время военного трибуната Флакка служил как солдат у него в легионе, когда по правилам военной службы ты мог избежать возможной несправедливости трибуна? И почему он как претор привлек для участия в своем совете тебя, сына недруга его отца? Как строго соблюдаются подобные правила, все вы знаете. (78) Нас⁶¹ теперь обвиняют те самые люди, которые участвовали в нашем совете. «Это постановил Флакк». — Разве он постановил не то, что надлежало? — «Но это было во вред гражданам независимой общины». — Разве их сенат решил иначе? — «Во вред отсутствовавшему». — Флакк постановил это, когда ты был на месте и отказывался явиться; это было постановлением не «во вред отсутствующему обвиняемому», а «во вред скрывающемуся». (Постановление сената и указ Флакка.) А если бы Флакк издал не указ, а эдикт, то кто мог бы по справедливости порицать его за это? Не намерен ли ты порицать и моего брата за его письмо, полное доброты и справедливости? Ведь оно касается той женщины; оно послано мне из... (*лакуна*) [Лелий] потребовал. Читай. (Письмо Квинта Цицерона.) (79) Что же? Не передали ли жители Аполлониды этого дела Флакку, когда им представился удобный случай? Не обсуждалось ли оно в присутствии Орбия? Не было ли оно передано на рассмотрение Глобулу? Не обратились ли во время моего консулата посланцы из Аполлониды к нашему сенату с многочисленными жалобами на беззакония одного только Дециана? Но об этих поместьях ты, по твоим словам, заявил для ценза. Не стану говорить, что это было чужое имущество, что ты завладел им насильственно, что жители Аполлониды тебя в этом изобличили, что жители Пергама отказались это записать, что наши магистраты⁶² возвратили поместья их прежним собственникам, что они не твои ни по какому праву: ни по праву собственности, ни по праву

⁵⁷ Публий Сципион Насика Серапион, консул 138 г., подавивший движение Тиберия Гракха. Осужденный на изгнание, он удалился в Пергам.

⁵⁸ Галке приписывали склонность красть предметы из золота и серебра.

⁵⁹ Пропретор Азии в 64 г. В 63 г. его сменил Публий Сервилий Глобул, которого в 62 г. сменил Луций Валерий Флакк.

⁶⁰ Эдилы как младшие магистраты могли быть привлечены к суду в год своих должностных полномочий. Флакк-отец был претором в 97 г.

⁶¹ Защитник объединяет себя со своим подзащитным — частый прием Цицерона в его судебных речах.

⁶² Это были Публий Орбий и Публий Сервилий Глобул (63 г.) и Флакк (62 г.).

владения⁶³. (80) Я спрашиваю вот о чем: подлежат ли эти поместья цензу, распространяется на них гражданское право, подлежат ли они манципации⁶⁴; можно ли внести их в списки в эрарии или у цензора? ⁶⁵ В какой, наконец, трибе ты внес их для ценза? Ты допустил, чтобы в случае, если настанут тяжелые времена, с одних и тех же поместий потребовали подать⁶⁶ и в Аполлониде, и в Риме. Но пусть будет по-твоему: ты был тщеславен, ты хотел подвергнуться цензу как собственник большого участка земли и притом такой земли, какую нельзя разделить между римским плебсом⁶⁷. Кроме того, ты был подвергнут цензу как обладатель 130 000 сестерциев наличными деньгами. Наличие эта, мне думается, была исчислена не на основании твоего собственного имущества. Но это я спускаю. Ты для ценза дал сведения о рабах Аминта, но этим не нанес ему ущерба; ведь Аминт действительно владеет этими рабами. Но вначале он перепугался, узнав, что ты дал для ценза сведения о его рабах; он обратился к правоведам. Все полагали, что если Дециан, внося в ценз чужое имущество, его сумеет присвоить, то он составит себе огромное состояние... (лакуна).

XXXIII. (81) Вот вам причина враждебного отношения к Флакку. Загоревшись этим желанием, Дециан и передал Лелию это обвинение, сулившее доход. Ведь Лелий, говоря о вероломстве Дециана, жаловался так: «Кто подбил меня на это, кто мне передал ведение дела в суде, за кем я последовал, тот был подкуплен Флакком, тот меня покинул и предал». Так это ты, Дециан, человека, у которого ты участвовал в совете, при котором ты сохранил все ступени своего достоинства, человека самого добросовестного, происходящего из знатнейшего рода, оказавшего государству величайшие услуги, подверг опасности потерять все свое имущество? Я, разумеется, буду защищать Дециана, которого ты, Лелий, заподозрил в том, чего он не совершал. Поверь мне, он не был подкуплен. (82) И право, что можно было выиграть, подкупив его? Чтобы он затягивал суд? Раз ему по закону было предоставлено всего шесть часов, то на сколько же часов смог бы он сократить свое выступление, если бы захотел тебе угодить? Дело, бесспорно, обстоит так, как подозревает сам Лелий. Ты позавидовал дарованию своего субскриптора; ведь он с легкостью приукрашивал общее положение, какое он выбрал, и тонко допрашивал свидетелей; он, быть может, достиг бы того, что в народе перестали бы говорить о тебе; поэтому ты и отправил Дециана в толпу слушателей. Но насколько правдоподобно это положение, настолько же неправдоподобно, что Дециан был подкуплен Флакком. (83) Знайте: все прочее столь же достоверно; например, то, что говорит Лукцей⁶⁸, — будто Луций Флакк был готов дать ему 2 000 000 сестерциев за то, чтобы он поступил бесчестно. И ты обвиняешь в алчности человека, который, по твоим же словам, хотел выбросить 2 000 000 сестерциев? Ибо что покупал он, покупая тебя? Твой переход на его сторону? А какую роль могли бы дать тебе в этом деле? Чтобы ты нам сообщал о замыслах Лелия? О том, какие свидетели выступают с его стороны? Разве мы сами не видели этого? Чтобы ты сообщил, что они живут вместе? Кто этого не знает? Что записи были в распоряжении Лелия? Кто в этом сомневается? Или же это было сделано для того, чтобы ты не обвинял настойчиво, не обвинял красноречиво? Вот теперь ты действительно внушаешь подозрения; ведь ты говорил так, что, пожалуй, могло показаться, будто от тебя кое-чего и добились.

XXXIV. (84) «А что, — скажешь ты, — по отношению к Андрону Секстилию⁶⁹

⁶³ Полное право собственности называлось *dominium*; владение и пользование — *possessio*; имеется в виду насильственный захват.

⁶⁴ Манципация: древний акт обычного права — передача, продажа, отчуждение собственности совершалось в присутствии пяти свидетелей и весовщика; покупающий ударял по чаше весов куском меди и произносил торжественную формулу; имущество разделялось на *res mancipi* и *res nec mancipi* (i).

⁶⁵ Незаконно приобретенное имущество нельзя было предъявить для ценза.

⁶⁶ *Tributum* — подать, налог в пользу государства; вначале подушная подать, затем с недвижимости, на основании ценза. Отменена в 167 г. после завоевания Македонии.

⁶⁷ Так как земля находилась в Аполлониде, независимом городе, и не входила в состав государственной земли (*ager publicus*), подлежащей распределению между плебсом на основании ряда аграрных законов.

⁶⁸ Этот Лукцей — не известно нам лицо.

⁶⁹ Это мог быть либо грек-вольноотпущенник, либо грек, получивший право римского гражданства при посредстве некоего Секстилия.

совершенно тяжкое, вопиющее беззаконие: когда умерла его жена ⁷⁰ Валерия, не оставив завещания ⁷¹, Флакк повел дело так, словно наследство должно было достаться ему сам-му». Что же ставишь ты ему в вину в этом деле, хотел бы я знать. Что его притязания не были обоснованы? Как докажешь ты это? — «Она была, — говорит обвинитель, — свободнорожденной». О, искушенный в праве человек! Что же? От свободнорожденной женщины наследство не достается по закону? — «Она поступила под власть мужа». — Теперь я понимаю, но спрашиваю: путем сожительства или путем коемпции? Путем сожительства это не могло произойти; ведь имущество, находящееся под законной опекой, может быть уменьшено только с согласия всех опекунов. Путем коемпции? И это — только с согласия всех опекунов, а ты, конечно, не скажешь, что Флакк был одним из них. (85) Остается то, о чем ее муж не переставал кричать, — что Флакк, будучи претором, не должен был вести дело, касавшееся его самого, и вообще упоминать о наследстве. Я знаю, что тебе, Луций Лукулл ⁷² (ведь ты должен будешь подать свой голос по делу Луция Флакка), за твою исключительную щедрость и величайшие милости, оказанные тобою близким, достались огромные наследства, когда ты управлял провинцией Азией, облеченный консульским империем. Если бы кто-нибудь сказал, что они принадлежат ему, уступил ли бы ты их? А ты, Тит Ветгий? Если тебе достанется какое-нибудь наследство в Африке, упустишь ли ты его в силу давности или оставишь за собой, не заслужив упрека в алчности, без ущерба для своего достоинства? Но ведь требование о вводе во владение этим наследством было заявлено от имени Флакка еще в год квестуры Глобула. Следовательно, он не прибегал ни к принуждению, ни к самоуправству; и ни случай, ни обстоятельства, ни империй, ни секиры ликторов не натолкнули Флакка на мысль совершить беззаконие. (86) Сюда же направил жало своих свидетельских показаний также и Марк Луркон, честнейший муж, мой близкий друг; он заявил, что в провинции претору не следует притязать на деньги частного лица. Почему не следует, Марк Луркон? Вымогать их, брать их противозаконно нельзя; но в том, что на них не следует притязать, ты никогда меня не убедишь, если не докажешь мне, что это не дозволено. А брать на себя, с целью взыскания денег, свободные легации ⁷³, как ты сам поступил недавно и как многие честные мужи делали не раз, законно? Я лично этого не порицаю, но наши союзники, как я вижу, на это жалуются. А претор? Если он не отказался от наследства в провинции, то он, по-твоему, заслуживает не только порицания, но даже осуждения по суду? XXXV. «Валерия, — говорит Луркон, — объявила все свое имущество своим приданым» ⁷⁴. Ни одного из этих доводов нельзя принять как объяснение, если ты не докажешь, что она не состояла под опекой Флакка. Если она была под его опекой, то никакое определение размеров приданого, произведенное без согласия

⁷⁰ В Риме существовали следующие формы заключения брака: А. Жена переходила под власть мужа «в качестве дочери» (*covenire viro in manum filiae loco*), принося ему свое имущество и получая права наследования в его роду и теряя их в своем роду. Способы заключения брака были следующие: 1) конфарреация — у патрициев — религиозный обряд, причем брачующиеся отведывали жертвенного пирога из полбы (*farrum libum confarreatio*); 2) коемпция, купля невесты женихом у ее отца, с совершением манципации, с ее согласия; 3) сожительство (*usus*) — если женщина проводила в доме мужа целый год, не покидая его на три дня подряд. Б. Женщина не переходила под власть мужа (*sine conventione in manum*) и становилась не *mater familias*, а ихог (жена), оставаясь под властью своего отца; этой формой было сожительство до истечения годичного срока. В данном случае Валерия как вольноотпущенница Флакка могла вступить в манус-брак только с его согласия как опекуна.

⁷¹ При отсутствии завещания вольноотпущенника был следующий порядок наследования: первыми были *sui heredes*, т. е. наследники, находившиеся под его властью (*potestas, manus*) — дети, дети сыновей и их вдовы; затем его патрон и его жена, их дети и родичи. Если вольноотпущенница состояла в формальном браке, то ее наследником был ее муж. Чтобы доказать законность притязаний Флакка на наследство, надо было доказать, что он как законный опекун не давал согласия на брак и что формального брака не было.

⁷² Луций Липций Лукулл Понтийский, консул 74 г.

⁷³ Поездка сенатора по его личным делам, под видом официального поручения, за счет казны.

⁷⁴ Приданое различалось: 1) данное отцом женщины (*dos profecticia*); 2) полученное от других лиц или приобретенное самой женщиной (*dos adventicia*); в собственности мужа после смерти жены переходил только второй вид приданого.

Флакка, недействительно. (87) Но вы все-таки видели, что Луркон, хотя он, в соответствии со своим высоким положением, давая свидетельские показания, сдерживался в выражениях, все же раздражен против Флакка. Он не скрыл причины своего раздражения и не считал нужным умолчать о ней. Луркон заявил жалобу, что во время претуры Флакка был осужден его вольноотпущенник. О, печальное положение правителей провинций, когда их добросовестность навлекает на них вражду, небрежность — порицание, когда строгость чревата опасностями, когда за щедрость платят неблагодарностью, речи коварны, снисходительность пагубна, когда у всех на лицах дружба, а у многих в сердце гнев, когда раздражение затаено, а лесть открыта! Преторов, когда они должны приехать, ждут; в их присутствии перед ними раболепствуют; от уезжающих отшатываются. Но оставим сетования, дабы не показалось, что я превозношу свое решение пренебрегать наместничеством⁷⁵. (88) Флакк послал письменный приказ об управителе усадьбой Публия Септимия, значительного человека; управитель этот совершил убийство. Септимий, как вы могли видеть, был вне себя от гнева. По делу вольноотпущенника Луркона Флакк своим эдиктом назначил суд; Луркон — враг ему. Итак, что же? Азию надо отдать во власть вольноотпущенникам влиятельных и блистательных людей? Или Флакк питает какую-то вражду к вашим вольноотпущенникам? Или суровость вам ненавистна, когда решаются дела ваши и ваших близких, и вы за нее же хвалите, вынося приговор, касающийся нас? XXXVI. Но этот Андрон, по вашим словам ограбленный, не приехал для дачи свидетельских показаний. (89) А если бы он приехал? Третьим судьей был Гай Цецилий, какой блистательный, какой честный, какой добросовестный человек! Дело скрепил своей печатью Гай Секстилий, сын сестры Луркона, человек добросовестный, твердых и строгих правил. Если было допущено самоуправство, если налицо был обман, если произошло заугивание, если налицо было мошенничество, то кто заставлял их заключать соглашение, кто заставлял их присутствовать? Что же? Если же эти деньги были вручены присутствующему здесь молодому Луцию Флакку⁷⁶, если они были истребованы, если они были собраны при посредстве присутствующего здесь вольноотпущенника, отца этого юноши, Антиоха, пользовавшегося особым доверием у старика Флакка, то не кажется ли вам, что мы не только не заслуживаем упреков в алчности, но даже достойны особенной похвалы за свое великодушие? Ведь обвиняемый уступил своему молодому родственнику их общее наследство, которое, по закону, причиталось им поровну; сам он ни к чему из имущества Валерии не прикоснулся; то, что он решил сделать из уважения к добросовестности этого юноши и ввиду его весьма ограниченного достатка, он не просто сделал, а сделал охотно и щедро. Из этого следует заключить, что человек, который был столь великодушен в своем отказе от наследства, в нарушение законов не присваивал себе чужого имущества.

(90) А вот обвинение со стороны Фальцидия тяжкое: он говорит, что дал Флакку 50 талантов. Выслушаем его. Его здесь нет. Как же в таком случае он говорит? Одно его письмо предъявляет его мать, другое — его сестра. По их словам, Фальцидий написал им, что дал Флакку такие большие деньги. Итак, тот, кому никто не поверил бы, если бы он стал клясться, касаясь рукой алтаря, убедит вас во всем, в чем захочет, при помощи письма, не дав клятвы? И какой человек! Как мало в нем дружбы к согражданам! Завидное отцовское состояние, которое он смог бы растратить здесь вместе с нами, он предпочел промотать на пирах у греков. (91) Зачем ему понадобилось оставлять наш Город, отказываться от такой прекрасной свободы, цускаться в опасное морское плавание? Словно нельзя было проесть свое имущество в Риме? Только теперь красавчик-сын оправдывается перед своей матушкой, старушкой, далекой от всяческого подозрения, дабы казалось, что деньги, с которыми он пересек море, он не растратил, а дал Флакку. XXXVII. «Но ведь сбор податей с жителей Тралл был сдан на откуп в претуру Глобула; Фальцидий откупил его за 900 000 сестерциев». Если он дает Флакку такие большие деньги, то он, очевидно, их для того и дает, чтобы

⁷⁵ Цицерон, уклонившийся от претуры в 65 г., в 62 г. должен был быть проконсулом Македонии; он сначала обменялся провинциями с коллегой Гаем Антонием, который должен был быть наместником Цисальпийской Галлии, а затем совсем отказался от наместничества.

⁷⁶ Неизвестное нам лицо. «Старик Флакк», возможно, его отец. Гай Валерий Флакк, дядя обвиняемого, был наместником Нарбонской Галлии.

покупка была утверждена. Следовательно, он купил нечто, несомненно, гораздо более ценное; он дает из дохода и ничего не берет из основного капитала; следовательно, только его доход уменьшается. (92) Но тогда почему он велит продать альбанскую усадьбу, почему, кроме того, льстит матери, почему он в своих письмах старается подловить сестру и мать на их простоте; наконец, почему мы не слышим его самого? Не сомневаюсь, он задержался в провинции. Его мать отрицает это. «Он приехал бы,— говорит она,— если бы его вызвали». Ты, Лелий, конечно, заставил бы его явиться, если бы ожидал какой-либо поддержки от этого свидетеля. Но ты не хотел отвлекать его от его занятия. Ему предстояла большая борьба, большое состязание с греками; но они, если не ошибаюсь, лежат побежденные; ведь он один превзошел всю Грецию размерами своих кубков и умением пить. Но кто же все-таки сообщил тебе, Лелий, об этих письмах? Эти женщины говорят, что они о них ничего не знают. Кто же в таком случае? Не сам ли он тебе рассказал, что писал матери и сестре? Или он даже написал по твоей просьбе? (93) Но почему же ты ни о чем не спрашиваешь, ни Марка Эбудия, весьма стойкого и весьма добросовестного человека, родственника Фальцидия, ни зятя его Гая Манилия, не менее честного человека? Они, конечно, не могли бы не слышать о таких больших деньгах, будь они даны. Итак, ты, Дециан, подумал, что ты, огласив эти письма, предоставив слово этим бабенкам, похвалив отсутствующего автора писем, докажешь такое тяжкое обвинение, особенно когда ты сам, не вызывая Фальцидия в суд, решил, что подложное письмо будет иметь больший вес, чем неискренность Фальцидия и его притворное негодование в случае его присутствия.

(94) Но почему о письмах Фальцидия, об Андроне Секстилии и о цензе Дециана я рассуждаю так долго и обвиняю их, а о нашем всеобщем благополучии, о достоинстве граждан, о высших интересах государства молчу? Ведь их при этом суде вы полностью поддерживаете своими, повторяю, своими плечами, судьи! Вы видите, в какое тревожное время мы живем, при каких глубоких переменах и потрясениях. XXXVIII. Некоторые люди стараются добиться, наряду со многим, также и того, чтобы ваши мысли, ваши приговоры, ваше голосование были роковыми для всех честнейших людей и весьма враждебными им. Заботясь о достоинстве государства, вы вынесли много суровых приговоров по делам о преступлении заговорщиков⁷⁷. Но они думают, что государство еще недостаточно потрясено, раз им не удалось такой же каре, какую понесли нечестивцы, подвергнуть граждан с величайшими заслугами. (95) Гай Антоний был осужден⁷⁸. Пусть будет так! Он в какой-то мере заслужил свое бесчестие. И все же (говорю это с полной ответственностью), будь вы судьями, не был бы осужден даже он, после осуждения которого на могиле Катилины, украсив ее цветами, в большом числе собрались для пиршества величайшие преступники и внутренние враги. Катилине воздали должные почести⁷⁹. Теперь Флакка при вашем посредстве стараются покарать за смерть Лентула⁸⁰. Какую более угодную жертву можете вы заклать Публию Лентулу, пытавшемуся при пожаре отечества похоронить вас, убитых в объятиях жен и детей, чем жертва, которой вы кровью Луция Флакка насытите его нечестивую ненависть ко всем нам.

(96) Итак, принесем искупительную жертву Лентулу, почтим манов Цетега, возвратим изгнанных, а за безграничную преданность и великую любовь к отечеству мы, со своей стороны, если это находят нужным, понесем кару. Нас уже называют доносчики, на нас возводят обвинения, против нас подготавливают судебное преследование. Если бы они действовали при посредстве других людей, наконец, если бы они именем народа подстрекали против нас толпы неискушенных граждан, то мы смогли

⁷⁷ После казни главных заговорщиков были осуждены и другие: Луций Варгунтей, Сервий Сулла, Марк Порций Лека, Гай Корнелий, Публий Автроний Пет. Публий Сулла был оправдан.

⁷⁸ Из дальнейших слов оратора следует, что Гай Антоний был осужден в отместку за его действия против Катилины.

⁷⁹ Катилина пал в январе 62 г. под Писторией; его голова была доставлена в Рим. Его «могила» могла быть только кенотафом. В день поминовения умерших (Паренталии, 13 февраля) на могиле совершали возлияния водой, вином, молоком, медом, маслом, кровью черных быков, овец и свиней; приносилась жертва, совершалась трапеза, могилу украшали цветами.

⁸⁰ Публий Корнелий Лентул Сура, один из казненных главарей заговора, был в 63 г. претором.

бы терпеть это более спокойно. Но совершенно нестерпимо, что они находят возможным при посредстве сенаторов и римских всадников, которые во имя всеобщего спасения, единые в своих взглядах и доблести, по общему решению, совершили все эти действия, вождей и зачинателей их, лишить всего их достоинства и изгнать из государства. И действительно, они хорошо понимают, что ни мысли, ни воля римского народа не изменились; римский народ всем, чем только может, дает понять, что он чувствует; люди едины в своем мнении, своих стремлениях, своих речах. (97) Итак, если кто-нибудь сюда меня призывает, я прихожу; участия римского народа как судьи в споре не только не отвергаю, но даже требую. Долой насилие, да будут отброшены мечи и камни, да сгинут шайки, да замолчат рабы! Никто, если это свободный человек и гражданин, не будет так несправедлив, чтобы, выслушав меня, не подумать скорее о моем награждении, чем о моем наказании. XXXIX. О, бессмертные боги! Возможно ли что-нибудь более печальное? Мы, выбившие меч и пламя из рук Публия Лентула, доверяемся суждению неискушенной толпы и страшимся приговора наиболее видных и наиболее именитых граждан!

(98) Мания Аквилія⁸¹, избличенного в корыстолюбии на основании многочисленных обвинений и свидетельских показаний, наши отцы за то, что он храбро воевал с беглыми рабами, по суду оправдали. В бытность свою консулом я недавно защищал Гая Писона⁸², и он, в свое время стойкий и храбрый консул, был сохранен для государства невредимым. Кроме того, будучи консулом, я защищал избранного консула Луция Мурену⁸³; несмотря на то, что его обвиняли прославленные мужи, ни один из тех судей не счел нужным слушать его дело о домогательстве, так как все по моему предложению — когда Катилина уже вел войну — признали нужным, чтобы в январские календы налицо было двое консулов. Неподкупный и честный муж, украшенный многими доблестями, Авл Ферм был дважды оправдан в этом году, причем защищал его я⁸⁴. Какое ликование римского народа, какое изъявление благодарности за благополучие государства последовало за этим! Достоинные и мудрые судьи, вынося приговор, всегда думали о том, чего требует польза граждан, чего требует всеобщее благополучие, чего требует положение государства. (99) Когда вам дадут табличку⁸⁵, судьи, ее вам дадут не только для решения о руководителях и вдохновителях дела спасения государства, для решения обо всех честных гражданах, для решения о вас самих, для решения о ваших детях, о жизни, отечестве, всеобщем благе. Вы в этом деле выносите приговор не о чужеземных народах, не о союзниках, о самих себе, о своем государстве выносите вы приговор.

XL. (100) Но если благополучие провинций волнует вас больше, чем ваше собственное, то я со своей стороны не только не противлюсь этому, но даже требую от вас руководствоваться волей провинций. И в самом деле, противопоставим провинции Азии прежде всего большую часть этой же провинции, которая ввиду опасностей, грозящих Флакку, прислала сюда своих посланцев и предстателей за него, затем провинцию Галлию, провинцию Киликию, провинцию Испанию, провинцию Крит; грекам из Лидии, Фригии и Мисии будут возражать массалийцы, родосцы, лакедемоняне, афиняне, вся Ахайя, Фессалия, Беотия. Свидетелям Септимию и Целию дадут отпор Публий Сервилий и Квинт Метелл⁸⁶ как свидетели добросовестности и бескорыстия Луция Флакка. Правосудию в Азии ответит правосудие в Риме. Обвинения, касающиеся одного года, будут опровергаться всей жизнью Луция Флакка и его деятельностью изо дня в день. (101) И если Луцию Флакку, судьи, должно помочь то, что

⁸¹ Консул Маний Аквиллий одержал в 101 г. победу над восставшими сицилийскими рабами. Он был обвинен Луцием Фуфием. Его защищал оратор Марк Антоний, показавший судьям рубцы от боевых ран, полученных Аквилием.

⁸² Гай Кальпурний Писон, консул 67 г., проконсул Нарбонской Галлии в 66—64 гг., был обвинен во взяточничестве. Речь Цицерона не дошла до нас.

⁸³ См. Цицерон, «В защиту Мурены».

⁸⁴ О процессах Авла Минуция Ферми (59 г.) сведений нет.

⁸⁵ Табличка для тайного голосования — наощенная дощечка с надписями *A* (*absolvo* «оправдываю») и *C* (*condemno* «осуждаю»); одну из надписей стирали и опускали табличку в урну. При голосовании в комициях на табличках было *UR* (*uti rogas* «согласие») и *A* (*antiquo* «по-старому, несогласие»); при выборах магистратов писали имя кандидата.

⁸⁶ Публий Сервилий Ватия Исаврийский и Квинт Цецилий Метелл Критский.

он как военный трибун, как квестор, как легат проявил себя перед прославленными императорами, перед доблестнейшими войсками, перед важнейшими провинциями достойным своих предков, то да поможет ему также и то, что при всеобщих опасностях, угрожавших всем нам ⁸⁷, он у вас на глазах шел на опасность рука об руку со мною; да помогут ему хвалебные отзывы муниципиев и колоний; да поможет ему и прекрасная и искренняя хвала сената и римского народа! (102) О, ночь ⁸⁸, едва не погружившая этот Город в вечный мрак, когда галлов призывали к войне, Катилину — к походу на Город, заговорщиков — к оружию и поджогам, когда я, приводя в свидетели ночное небо, плача, заклинал тебя, Флакк, тоже лившего слезы, когда я поручил твоей величайшей и глубоко испытанной верности благополучие Города и граждан! Это ты, Флакк, как претор тогда схватил вестников всеобщей гибели; это ты обнаружил таившуюся в письмах гибель государства; это ты доставил мне и сенату улики об угрожавших нам опасностях, как и средства для спасения. Какую благодарность выразил тебе тогда я, какую тебе выразил сенат, какую тебе выразили все честные люди! Кто мог подумать, что кто-либо из честных людей когда-нибудь откажет тебе, откажет Гаю Помпигину, храбрейшему мужу, уже не говорю — в спасении, но и в любой почетной должности? О, декабрьские ноны, что были в год моего консулата! День этот я справедливо могу назвать днем рождения нашего Города или, во всяком случае, спасительным днем. ХLI. (103) О, ночь, после которой наступил этот день, ночь, счастливая для нашего Города, но — горе мне, — быть может, зловещая для нас! Какое присутствие духа проявил тогда Луций Флакк (о себе я не говорю), какую любовь к отечеству, какую доблесть, какое достоинство! Но зачем упоминать мне о тех событиях, которые тогда, когда они происходили, до небес превозносились в похвалах единодушным согласием всех людей, единым голосом римского народа, единым свидетельством всего мира? Теперь они, пожалуй, не только не принесут нам пользы, но даже повредят. Ведь у бесчестных людей память, чувствую я, иногда гораздо прочнее, чем у честных. Именно я, если с тобою случится какое-нибудь несчастье, именно я, повторяю, окажусь по отношению к тебе предателем, Флакк! Это была моя рука, мои заверения, мои обещания, когда я сулил тебе, что ты, если мы спасем государство, будешь в течение всей своей жизни не только огражден заслоном всех честных людей, но и возведен ими. Я думал, я надеялся, что даже в случае, если почести, оказанные нам, не будут иметь большого значения в ваших глазах, то благополучие наше, во всяком случае, будет вам дорого. (104) Но даже если Луция Флакка, судьи, — да предотвратят бессмертные боги исполнение такого предсказания! — постигнет тяжкая несправедливость, то он все же никогда не станет раскаиваться в том, что стоял на страже вашего благополучия, заботился о вас, о ваших детях, женах, о вашем достоинстве. Он всегда будет полагать, что такое отношение было его долгом и перед своим высоким происхождением, и перед своим благочестием, и перед отечеством. Во имя бессмертных богов, судьи! — смотрите, как бы вам не пришлось раскаиваться в том, что вы не пощадите такого гражданина! Много ли найдется людей, в своей государственной деятельности готовых идти по этому пути, людей, которые желают быть удобными вам, быть удобными людям, подобным вам, людей, которые высоко ставят авторитет всех честнейших и именитейших граждан и сословий, хотя и видят, что на том, другом пути достигнуть почетных должностей и всего того, чем они так сильно пожелали, легче. ХLII. Но пусть все остальное принадлежит им! Пусть в их руках будет могущество, в их руках — магистратуры, в их руках — наибольшие возможности получать другие преимущества. Да будет дозволено тем, кто хотел все это вот ⁸⁹ сохранить неприкосновенным, самим оставаться неприкосновенными! (105) Не думайте, судьи, что те, которые еще не сделали выбора и еще не вступили на путь почестей, не ждут исхода этого суда. Если столь великая любовь ко всем честным людям, столь великая преданность государству принесут Луцию Флакку несчастье, то кто, по вашему мнению, будет впредь так безумен, что предпочтет тот жизненный путь, который он ранее считал опасным и скользким, этому гладкому и на-

⁸⁷ Имеется в виду заговор Катилины.

⁸⁸ Ночь со 2 на 3 декабря 63 г., когда Флакк и Помпигин задержали на Мульвиевом мосту послов аллоброгов и добыли прямые улики.

⁸⁹ То есть римское государство, все, находящееся перед взором оратора.

дежному? И если вы, судьи, чувствуете отвращение к таким гражданам, то покажите это. Кто сможет, мнение свое переменит; свободные в своем выборе решат, что им делать. Мы, которые зашли уже далеко, будем переносить все последствия своего безрассудства. Но если вы хотите, чтобы так думало большинство людей, то покажите своим приговором, каково ваше мнение.

(106) Этому вот несчастному мальчику ⁹⁰, умоляющему вас и ваших детей, судьи, вы укажете правила жизни своим приговором. Если вы ему сохраните отца, то вы предпишете ему, каким гражданином должен быть он сам. Но если вы отнимете отца у сына, то вы покажете, что за честный, стойкий и строгий образ действий вы не предвидите никаких наград. Так как он еще в таком возрасте, что почувствовать горе отца он может, но помочь отцу еще не может, то он молит вас не усугублять его страданий слезами отца, не усугублять горя отца его плачем. Он смотрит и на меня, призывает меня своим взглядом; плача, он как бы умоляет меня о покровительстве и притязает на высокое положение, которое я когда-то обещал отцу в награду за спасение отечества. Сжальтесь над семьей, судьи, сжальтесь над храбрейшим отцом, сжальтесь над несчастнейшим сыном. Сохраните для нашего государства его прославленное и храброе имя и ради его рода, и ради его не сителя.

---

⁹⁰ Сын обвиняемого. Коммизерация — заключительная часть речи, рассчитанная на то, чтобы вызвать сострадание судей.